

The background is a dark, textured blue-grey with a complex network of golden-brown mechanical lines and gears. In the upper left, a large gear is partially visible. In the center, a diamond-shaped frame contains a lush arrangement of green leaves, white star-shaped flowers, and three bright orange fruits. Two brass-colored goggles are positioned within this central arrangement. The overall aesthetic is a blend of steampunk and natural elements.

София
Баюн

Дым под
масками

Абсурдные сны

София Баюн

Дым под масками

«1С-Паблишинг»

2023

Баюн С.

Дым под масками / С. Баюн — «1С-Паблишинг»,
2023 — (Абсурдные сны)

София Баюн – разносторонний писатель-фантаст, работающая в жанрах фэнтези и мистического триллера. Для книг автора свойственна немного мрачная атмосфера и загадка. Однако они неизменно захватывающие и интересные. Первый роман серии «Абсурдные сны» под названием «Механические птицы не поют» вошел в тройку призеров литературного конкурса «Технология чудес», проведенного порталом Author.Today. Книга написана в стиле фантастического детектива в фэнтезийном мире с налетом стимпанка. Читайте продолжение этой истории – роман, который называется «Дым под масками». Владельцу цирка Штефану Надоши очень сильно не нравится то, что в стране, где он работает, началась революция. Но еще больше ему не нравится новый чародей-иллюзионист. Не любит он и морские путешествия и снег. Зато владелец цирка очень любит шнапс, денежные чеки и ведущую представлений Хезер. Штефан упорно ищет спасения своего бизнеса и пробует все – от помощи меценатов, да старого загадочного фотоаппарата, который может дать ему гораздо больше «денежных мешков». Впрочем, если прибегнуть к его помощи, то и революция может показаться не такой страшной. Читайте новую историю, где детектив и мистика сплелись в интереснейший сюжет.

© Баюн С., 2023

© 1С-Паблишинг, 2023

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	58
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

София Баюн

Дым под масками

© 1С-Паблишинг, 2023

© София Баюн, 2023

Визг умирающего мотора заглушал разъяренное шипение волн, вгрызающихся в палубу. Тонкий экран паруса с погасшим мороком бессильно висел вдоль мачты и слабо трещал утекающей в окровавленную воду энергией.

Других звуков Штефан не слышал. Сознание заглушило крики умирающих, скрип механизмов и оглушительные всплески, которые раздавались, когда разъяренный левиафан бил хвостом по воде.

Чувств тоже не было, ни одного.

Ни ужаса потери – он был достаточно взрослым, чтобы понять, что родители, запертые смятой металлической дверью в каюте, обречены.

Ни страха за собственную жизнь, ни злости на тех, кто повел корабль в море, несмотря на брачный сезон левиафанов.

Понадеялись на бортового чародея, герра Виндлишгреца. Еще два дня назад этот полный мужчина с волосами цвета ржавчины обходил корабль, презрительно морщась. Это он заставил вывести на экраны на носу изображение оскаленной пасти, как на морлиских пароходах. Сказал, что левиафан – животное, к тому же тупое, и его просто напугать.

Штефан пытался сказать герру Виндлишгрецу, что левиафана еще проще спровоцировать, и об этом им рассказывали на уроках естествознания в школе. Конечно, чародей не послушал. Кого волнует мнение десятилетнего сопляка.

Кого он вообще волнует – спустя несколько минут от корабля останутся только обломки, уносящиеся в бездну, а огромный змей с пастью, полной игл-зубов, частых и желтых, поплывет в глухую черную глубину праздновать победу.

Штефан попытался вытереть кровь из разбитого носа мокрым рукавом, но только еще больше размазал. Несколько секунд он разглядывал испачканный рукав, с мазохистским удовольствием думая о том, что мама обязательно заругает.

«Мама будет недовольна» – привычная мысль, кажущаяся теплой в ледяном ревушем безумии. «Мама умерла» – пощечина, обжигающая сознание, которое никак не хотело чувствовать горе. Или страх.

Почему надо бояться? Мама будет ругать.

Мертвая мама за искореженной дверью.

Будет ругать за испачканный кровью рукав.

Слишком много крови, надо найти место, где суше. Чтобы мама не ругала. Мертвая, мертвая мама.

Шатаясь, Штефан поднялся с палубы, с удивлением обнаружив, что все это время сидел, вцепившись в труп одного из матросов. Перед смертью он схватился за скобу, да так и не разжал пальцы. Заляпанная густым и рыжим куртка пахла солью и чем-то химически-едким – видимо, кровью левиафана.

Штефан обвел взглядом качающуюся палубу. Прямо под ногами взорвалась фонтаном щепок одна из досок, и в разломе появился гребень обнаженного механизма.

«Как открытый перелом», – отстраненно подумал Штефан, все еще не в силах поверить в близкую смерть.

Мимо пронесся мужчина в черном мундире, держащий что-то вроде гарпуна. Мир покачнулся и дернулся в сторону – Штефан не сразу понял, что мужчина оттолкнул его. Он видел, как мужчина целится, замахивается и швыряет гарпун, бесполезно скользнувший по колючей чешуе левиафана. Змей обернулся и раскрыл пасть – между желтых зубов заплясал красный раздвоенный язык.

Он видел, как мужчина вдруг упал и дернул какой-то рычаг. Слышал раздавшийся выстрел – будто издалека, чувствовал, как вздрагивает палуба. А потом весь мир на долю секунды затопил стерильно-белый свет, уничтоживший очертания. Когда мир вернулся, мужчина уже лежал на палубе лицом вниз, змея нигде не было, а вокруг стояла какая-то особая, оглушающая тишина.

Выжившие открывали рты, но вместо слов выпускали неестественно красную кровь. Штефан видел, что остался на корабле, полном мертвецов – те, кто еще корчился на скользких досках, скоро навсегда затихнут. Мачта бесполезно выплевывала в низкие серые тучи красные спицы сигнала о помощи.

Он знал, что ни один корабль к ним не пойдет. Что будет большой удачей, если в порту сжались и пошлют дирижабль. И что, увидев мертвецов на палубе, капитан дирижабля скажет разворачиваться и лететь обратно. На корабле нет ничего ценного – мама сказала, он вез почту и заказы из каталогов – мебель, занавески, ткани, книги и табак. С бешеной наценкой, потому что когда у левиафанов брачный сезон, почти никто в море не выходит. Барахло втридорога для тех, кто не хотел ждать аэропочту из удаленных регионов. Вот и цена жизней всех членов экипажа «Пересмешника» и десятка пассажиров, которым так срочно надо было попасть в Поштевицу.

Все это значило, что и груз дирижабль не станет спасать.

Может, заметив на палубе ребенка, они все же рискнут спуститься?

Если он доживет до дирижабля. Если не потеряет сознание, не сойдет за очередного мертвеца.

Он обвел палубу беспомощным взглядом. Отчаяние проклевывалось через панцирь отупения и вот-вот должно было прорваться наружу, но сознание упорно сдерживало его. Чтобы детский разум не погасили яркие, режущие образы, один за другим врывающиеся в глаза. Вот разметанная куча внутренностей – яркие акценты, красный, черный, сизый и скучно-серый цвета. Вот человек, у которого между плеч зияет черная улыбка пустоты – левиафан откусил ему голову вместе с половиной грудины. Вот раздавленный матрос, а может, и капитан – не поймешь в месиве ткани, костей и мяса, какие нашивки были на мундире.

Штефан, шатаясь, побрел к носу корабля. Там лежал кто-то, сохранявший человеческие очертания. Рядом с неизуродованными трупами было спокойнее. Они были похожи на людей, они позволяли обманывать себя иллюзией, что мир не сошел с ума и не закончился прямо здесь.

Лежащим оказался герр Виндлишгрец. Его лицо обрело странный, зеленовато-желтый оттенок. Он бесполезно зажимал рваную рану на боку набрякшим водой и кровью кителем.

Губы чародея шевельнулись, но Штефан по-прежнему не слышал слов. Тогда герр Виндлишгрец поманил его пальцем. Он послушно подошел и опустил на колени. Чародей неожиданно проворным движением схватил его за воротник и положил ему на лицо мягкую липкую ладонь.

В переносицу словно ударила молния. Магическая энергия электрической вспышкой пробежала по венам, облизала лицо и руки, а потом пульсирующим клубком свернулась у сердца, распуская колючие искорки.

Мир вернулся – четкость очертаний, ощущений, а главное – звуков. Теперь люди не бес- сильно распахивали рты – они кричали. Конвульсивно сучили по доскам ногами, скребли окро- вавленными пальцами с сорванными ногтями, катались по палубе и выли, страшно, вибриру- юще, будто захлебываясь забившей горло болью.

– Вы зачем?! – крикнул он, стряхивая руку чародея. – Я тоже умру! Зачем вы... разбу- дили?!

Мир снова покрылся туманом, и он успел обрадоваться, что возвращается благословен- ная отстраненность, но в следующее мгновение он понял, что это слезы застыт глаза.

– Потому что ты можешь выжить. Ты сын Вайба Надоши?

– Да, – прошептал он, с ужасом глядя, как безногий матрос пытается перебраться через борт.

– Не смотри туда, – осадил его чародей и, взяв двумя пальцами за подбородок, развернул к себе. Глаза у него были спокойные, и это спокойствие будто передалось и Штефану. – Смотри на меня. Как тебя зовут?

– Штефан, – с трудом вспомнил он.

– Отлично, Штефан. Я сейчас дам тебе одну вещь. И ты пообещаешь ее сохранить, хорошо?

– Какую вещь?

Предложение герра Виндлишгреца казалось абсурдным. Ему показалось, что он сейчас достанет какую-нибудь игрушку, из тех, которыми взрослые вечно пытались отвлекать его, когда мир рушился.

– Сначала пообещай, – чародей смотрел без улыбки, и в глазах его все отчетливее чита- лась тоска. – Это очень важно, Штефан. Не знаю, выживет ли кто-то кроме тебя, но ты должен выжить. И сохранить то, что я тебе дам. Это... очень важно.

Ему пришлось почти прижаться к чародею, потому что его тихие слова сносило то вет- ром, то криками, то воем мотора.

– Обещаю.

– Тогда выпей вот это. И забудь, что я тебе это давал, а ты это пил.

Он протягивал небольшую ампулу из темного стекла. Чародей сам, скользкими от крови пальцами открыл ее и требовательно сунул Штефану под нос.

В ампуле была какая-то вязкая кислая дрянь. Герр Виндлишгрец что-то бормотал о макете корабля, или о том, что корабль может быть макетом, но Штефан не слушал. Он боролся с желанием отплесть, а еще подойти и подтолкнуть матроса, который все срывался с борта и никак не мог перегнуться. Штефан не понимал, зачем безногому матросу за борт, и почему он так страшно воет, но все пытается попасть в воду. Но наблюдать за его попытками, несмотря на запрет чародея, было страшно и неприятно. Он ведь легко может помочь. Может, матрос надеется доплыть до берега?

– ... Штефан? – донесся настойчивый голос чародея.

– Да? – он наконец отвернулся от матроса.

– Ты слышал, что я тебе сказал?

Герр Виндлишгрец держал что-то вроде небольшого черного рюкзака и очки с двумя длинными съемными окулярами.

– Нет, простите... нет.

– Ты наденешь эти очки и будешь сидеть рядом со мной. Когда за тобой придут... не говори никому о том, что увидишь. Там, в рюкзаке... ты слышишь меня, Штефан?!

– Да, – тихо ответил он, отворачиваясь от упавшего с мачты экрана.

– В рюкзаке черная пластина. Как для фотокамеры. Никому не отдавай ни рюкзак, ни очки. Попробуй проявить запись, у меня в каюте была инструкция, но туда сейчас... неважно. Это очень, очень ценная вещь, Штефан, ты понял? Не пытайся ее продать и Спящим заклинаю, не потеряй. Ты когда-нибудь поймешь, что это и насколько... пожалуйста, – невпопад беспомощно закончил он.

– И что это такое? – угрюмо спросил Штефан.

– Это? Искусство, – слабо улыбнулся чародей.

А потом он надел на него очки и долго возился с ремешком, чтобы они не соскальзывали у Штефана с головы. Мир потемнел и сузился до двух дымчато-золотых линз, но остался таким же уродливым, мокрым и окровавленным. Что-то едва заметно кольнуло над локтем. Штефан ждал, что чародей еще что-нибудь скажет, он молчал.

Несколько минут Штефан стоял, глядя на матроса, который наконец-то смог подтянуться и теперь с трудом переваливался за борт. Раздался облегченный стон, за ним шорох и глухой всплеск, с которым что-то тяжелое уходит под воду.

В воздухе стоял настолько густой металлический запах, что казалось, он царапает ноздри. Запахи крови, раскаленных механизмов и соли сливались в один, тошнотворно-ржавый и приторный.

Наконец, Штефан повернулся к чародею. Он сидел, мечтательно уставившись куда-то вдаль и улыбался. Лицо у него было застывшим, а взгляд медленно гас под затягивающим глаза стеклом.

– Герр Виндлишгрец? Герр Виндлишгрец?.. – тихо позвал Штефан.

Чародей не отзывался.

Хаос вокруг постепенно утихал. Никто уже не кричал, только несколько человек тихо стонали. Снизу никто не стучал – видимо, оставшиеся в каютах умерли. Двигатель затих, из разломов на палубе валил дым. Экраны больше не искрили.

Было очень холодно. Штефан чувствовал нехороший, злой озноб отступающего шока. Мысль о том, что родители погибли и сам он тоже может умереть, все еще не доходила, несмотря на последнюю помощь герра Виндлишгреца. Шмыгнув носом, Штефан сел на холодную мокрую палубу и прижался к мертвому чародею. Стало немного теплее. Дурацкие очки мешали, но он почему-то не решался их снять.

Штефан сидел, медленно согреваясь краденными у остывающего тела остатками тепла и смотрел на палубу. Понемногу становилось светлее – наверное, показалось солнце.

Свет становился все ярче. Штефан ошеломленно наблюдал, как с палубы исчезают кровь и вода, как затягиваются разломы. Он видел, как медленно встают люди – живые, в чистых мундирах. Они улыбались друг другу и весело переговаривались. Море из свинцово-серого сделалось тепло-голубым, укрылось белыми гребешками волн.

А потом на палубу вышли родители – мама в своей любимой зеленой шляпке и отец, близоруко щурящийся, потому что опять забыл в каюте очки. Штефан хотел закричать, броситься к ним, но что-то не давало. Родители были живы, улыбались ему, и мама махала рукой, звала к себе.

Штефан смотрел на них, позволяя этому неясно откуда взявшемуся волшебству себя обмануть.

А потом наконец-то заплакал.

Глава 1

Голоса над городом, флаги над крышами

За час до того, как в Солоухайм прозвучал первый выстрел, флюгера на всех крышах сошли с ума. Глубокой ночью ожили птицы, стрелки, лисы и рыбы. В полном безветрии они вертелись, визжали, тревожно принимались, свистели, бились и пытались встать на крыло.

В Морлиссе верили, что флюгера приносят удачу, и в ту ночь с каждой крыши раздавался шорох и скрип, предупреждающий о грядущем безумии.

Крутился, словно бежал от чего-то, медно-рыжий лис на шпиле ратгауза, обнимающего городскую площадь, и лунный свет серебрился в зеленом стекле его глаз. Качалась на крыше театра Эркель Холл почти невидимая в темноте черная чайка. Целая стая птиц – сорок, синиц и грачей – стрекотала на стеклянном куполе крытого городского рынка.

И изогнувшийся в прыжке лосось над крышей адмиралтейства сверкал серебристой чешуей, будто подхваченный бурным потоком.

Все, к кому не пришел сон этой ночью, смотрели на крыши. Или вовсе не выглядывали на улицу – все шло, как должно было идти. Утром о происшествии должны были писать все газеты. Статьи были утверждены и выпуски сверстаны. Никто не должен был вспоминать о вчерашнем самоубийстве на городской площади, и уж точно никто не должен был говорить о мужчине, сошедшем с прибывшего двенадцать часов назад поезда. Он прождал эти двенадцать часов в закрытом вагоне и был очень недоволен этой мерой предосторожности.

Херр Варнау, придворный чародей, которого вызвали с переговоров во Флер, предпочел бы продолжить дипломатическую миссию. К дипломатической миссии прилагались вино, женщины и золотистые кристаллы, которые так славно растворялись в вине и делали мир ярче, а женщин – красивее. На родине его ждал холод, мокрый снег, толпы демонстрантов и простаивающие из-за забастовок заводы.

Херр Варнау был сильным чародеем, но пост при дворе получил благодаря тому, что был умным чародеем. И он точно знал, как очистить улицы, заставить работать заводы и через три дня вернуться во Флер. Пусть к концу переговоров – их исход все равно его не заботил.

На том, что с поезда херр Варнау должен сойти с двенадцатичасовым опозданием, настоял новый руководитель Сторожевой – отдела безопасности при Стеринготте. Херр Варнау уважал преданного короне Бернарда Берга, поэтому согласился на этот план, казавшийся ему параноидальным.

Первый выстрел раздался, едва он ступил на перрон.

Сын Бернарда Берга, Бенджамин, никогда не дорожил доверием отца.

...

Штефан Надоши собирался спать. Последние полчаса он полулежал на рассохшемся столе и пытался посчитать, сколько цветочков на обоях в комнате, если обои полосатые, в каждой полоске тридцать четыре цветка, а полосок... а вот посчитать полоски почему-то никак не выходило.

Грязно-красный свет газового фонаря мешался с серым рассветным и ужасно раздражал, но у Штефана не было сил встать и погасить его.

Бессонная ночь изрядно его вымотала – аккуратные столбики счетов, казалось, отпечатались под веками, и стоило закрыть глаза, как в темноте зажигались бесконечные цифры. Ползли, словно змеи, куда-то вниз, ехидно скалились и складывались в долги и неизбежное разорение. Штефан до утра пытался найти компромисс между потерей реквизита, еще большими долгами и риском застрять в Морлиссе.

Когда на улице раздался надрывный вой аэрофона, Штефан малодушно понадеялся, что это очередной экзальтированный дурачок выстрелил себе в голову под городской виселицей. Вчера утром таких нашлось целых трое.

Но вчера вслед за воем наступила гробовая тишина. А сегодня за сиреной пришел ритмичный, нарастающий стук.

– Нет-нет-нет... – пробормотал Штефан, по-прежнему не вставая. – Нет. Не может того быть.

Стук нарастал. Становился из далекого, нарастающего шума слаженным топотом тысяч сапог и расходящимся от центра гулом.

Штефан медленно досчитал про себя до десяти.

Нужно будить Хезер. Видит Спящий, он не хотел этого делать.

– Херр Надоши! Хер-р-р Надо-о-оши! – раздался крик.

Штефан, вздохнув, встал из-за стола и выглянул в окно. Марк, мальчишка-газетчик, которому он всегда давал лишнюю монетку, бежал к его дому с другого конца улицы, звонко ударяя подошвами о мостовую. Шнурки он не завязал и до сих пор не упал только чудом. Вместо газет у него в руках было что-то вроде темно-синего полотенца, которым он размахивал над головой.

– В чем дело? – крикнул Штефан.

– Ре-во-люц-ц-ция! – крикнул в ответ мальчишка. Он подпрыгивал, и слова вибрировали, разбиваясь в такт прыжкам. – Восстание! Херр Надоши, слышите?!

Штефан прекрасно слышал. Теперь ритм марша стал ритмом гимна «Голоса над площадью, флаги над крышами».

– Беги домой, Марк, скажи матери закрыть окна и не выходите на улицу! – крикнул Штефан, перегнувшись через подоконник.

– Шутите?! Идемте с нами, херр Надоши! Вы кр-р-расиво гово-ри-те! Идемте скор-р-рее!

Штефан ждал, что Марк остановится под окном, но он пробежал дальше, на ходу завязывая полотенце вокруг шеи.

– Вставайте! Вста-а-авайте! Про-с-сыпай-тесь! Люди вышли на улицы! Люди вышли! – звучал его удаляющийся голос.

– Да чтоб тебя, – тоскливо пробормотал Штефан, провожая его взглядом.

По крайней мере расчеты потеряли всякий смысл – все, что не успели упаковать, придется бросить.

Штефан захлопнул бухгалтерский журнал – он только начал новый – и не глядя швырнул в холодный камин.

Над утренним мраком, над полусонным городом Солоухайм, собирался белесый туман. Сегодня он был чище, чем обычно – фабрики простаивали и не выдыхали клубы черного дыма в сырое серое небо. Штефан задернул занавеску, взял с комода кувшин с водой и вышел в коридор.

Пытаться разбудить Хезер стуком в дверь никакого смысла – она спала так, будто каждую ночь стреляла себе в висок, и пробуждение ее больше напоминало воскрешение.

Он как раз собирался совершить это чудо. Переступил порог спальни и медленно двинулся к белеющему в темноте пятну одеяла. Единственная работающая газовая лампа была как раз над кроватью, а ходить в темноте по спальне было попросту опасно – можно было раздавить чашку, поскользнуться на очередной драгоценной книге Хезер или, что было хуже всего – наступить на одну из проклятых крыс.

– Пожар! – рывкнул он, наклонившись над спящей. Хезер спала лицом вниз и он видел только заворачивающуюся в кудри темноту, разметающуюся по подушке и блестящие бусинки глаз – три крысы уютно устроились у нее на спине. – Горим! Смерть, холера, передушили крыс, сперли весь реквизит, птичек сожрали, артистов расстреляли!

Хезер даже не пошевелилась. Штефан, вздохнув, стряхнул крыс, перевернул ее на спину и наклонил кувшин над ее лицом.

– С-у-у-ука... – простонала она, не открывая глаза. – Я только легла...

– Там революция, кедвешем, – сообщил он, выдергивая из-под ее головы мокрую подушку. – Народ озверел, повыбегал на улицы и стреляет.

– Уже? – пробормотала Хезер, перевернувшись на бок и пытаясь засунуть под щеку край одеяла. – Ну хорошо, зайди тогда через часик...

– Вставай! – не выдержал он, срывая с нее одеяло. – Давай, нам надо срочно бросать вещички в экипаж и валить отсюда!

– И много мы бросим в экипаж? – резонно заметила она, садясь на кровати и слепо вытягивая перед собой руки. – Водички бы...

– На, выжми, – посоветовал Штефан, бросая ей подушку. – А что ты предлагаешь?

– Ничего. В любом случае поздно дергаться, все уже случилось.

– Это была твоя идея тут задержаться, – раздраженно бросил он и сделал шаг от кровати. Под каблуком что-то сухо хрустнуло.

– Моя, – согласилась Хезер, зажигая лампу. Комнату залил красноватый дрожащий свет. – Пина больна, помнишь?

Штефан поморщился. Гимнастка действительно подхватила легочную гниль и лежала в переполненном госпитале. Вито, ее брат, сказал, что она лежит на лестнице с другими больными, и на нее уже надели маску.

– Пины уже нет, да приснится она Спящему в следующем Сне, – отрезал он. – И Вито тоже скоро придется сниться как-нибудь в другой раз, если он будет постоянно ошиваться у госпиталя. У нас есть приглашение в Гардарику, нас выпустят. И мы под знаком Спящего, помнишь? В артистов, пока на баррикады не лезут, не стреляют.

– Ага, а я до сих пор девка, – проворчала Хезер, стягивая сорочку. – Дай воды, а?

Штефан поискал взглядом кувшин или бутылку. Найти что-то в комнате, где жила Хезер было практически невозможно. Он видел книги, реквизит, элементы декораций, старый занавес, завернутый в рваный пергамент, косметику и духи, наваленные в коробки вперемешку с гримом и десяток клеток с крысами и птицами. Кувшина не было.

– За шкафом.

Она бродила по комнате, наугад выдергивая из наваленных на стулья тряпок белье и одежду. Штефан, наконец отыскав кувшин, снял с него миску, налил в нее воды и сунул Хезер под нос.

– Спасибо. Что там на улице?

– Когда в окно выглядывал – стреляли и очень воодушевленные куда-то неслись, наверное на главную площадь, – пожал плечами Штефан, наблюдая как она застегивает жилет.

– Ну вот и хорошо, всем же весело. Нет, надо было меня разбудить... Вито знает?

– Понятия не имею. Хезер, я как раз хотел о нем поговорить...

У Вито было два безусловных достоинства, и они же были его главными недостатками – ему было девятнадцать и он родился в Де Исте. Это значило, что он всегда следовал наитию, ходил по женщинам, встречал в истории и не видел повода в чем-то из этого себе отказывать.

– Я ходила к госпиталю днем. Он сидит на ступеньках и отказывается уходить, – развела руками она. – А до этого он с тобой не пошел. Ну и что нам делать, бросить его?

– А если мы с тобой здесь сдохнем – что остальная труппа будет в Гардарике делать?

– Выступать, – пожала плечами Хезер. – Люди иногда умирают, ничего не поделаешь.

Штефан пошарил рукой под кроватью. Пальцы коснулись сначала холодной металлической миски, а потом – деревянной резной поверхности шкатулки, где Хезер хранила папиросы. Миска была из тех, в которых матери больших семейств замешивают тесто. Окурками она была заполнена на две трети.

Месяц назад Штефан понял, что зарплаты рабочим не выплатят. Он всегда чувствовал опасность чуть раньше остальных. У нее был особый запах – она пахла горелым машинным маслом, морской водой и кровью. В Солоухайм этот запах появился почти сразу после их приезда, и вскоре мерещился Штефану повсюду.

Неделю назад, после того, как был упакован почти весь реквизит, разобрано все оборудование и собраны вещи, Штефан купил билеты на дирижабль труппе и выкупил грузовой отсек на корабле, потратив последние деньги.

Хезер была против. Хезер хотела уезжать как обычно – в фургоне, а габаритный груз отправить по частям. Хотела дать обещанные представления, а не возвращать билеты. И, конечно, наотрез отказывалась продавать фургон и экипаж.

Называла Штефана параноиком, плакала и пила абрикосовый шнапс.

Вчера они проводили труппу. У Штефана остались приглашения в Гардарику, подписанные одним из столичных театров, и он хотел отбыть как можно быстрее. Как назло, врачи не давали четкого ответа, будет ли жить Пина, да и вообще никаких ответов не давали, занятые другими пациентами. Поэтому Вито пропадал у госпиталя, Хезер продолжала пить шнапс, а Штефан все больше раздражался и бросал в камин бухгалтерские книги.

Хезер, наконец справившись с платьем, открыла окно. Аэрофон отдавал короткие злые приказы разойтись. Песен и выстрелов не было слышно, только зловещую, шершавую тишину, в которую проваливался город между плевками усиленного механического голоса.

– Может, обойдется? – с надеждой спросила она.

Штефан только закатил глаза. Запах гари и морской воды стал почти невыносим.

– Хезер, восстание только началось. Если мы соберемся прямо сейчас – можем успеть на поезд, пока не закрыли вокзал, а где-нибудь подальше от столицы сядем на дирижабль. Можем рискнуть выехать на экипаже, правда я не уверен, что он не заглохнет по дороге. Но если будем ждать...

– Поплывем на парохде, из порта в любом случае кто-то выйдет, – легкомысленно пожала плечами Хезер.

– О, правда? – оскалился Штефан. – Ты мне предлагаешь спонтанные морские путешествия? А ты не хочешь подумать, что случится, если кто-нибудь узнает про Томаса и про то, что у нас в грузовом отсеке кроме реквизита?

– Нас повесят, – сладко потянулась Хезер. – Здорово, правда? Мне понадобятся две подставочки, чтобы дотянуться до петли. А ты, если на цыпочки встанешь, и одной обойдешься, в любом случае люди посмеются.

Штефан раздраженно фыркнул и отвернулся.

С Хезер он познакомился, когда ей было четырнадцать, а ему – шестнадцать. Он с тех пор стал выше на ладонь, но все еще оставался невысоким, а Хезер едва доставала ему до подбородка. Она своим ростом почему-то гордилась, а Штефан предпочитал делать вид, что его такие мелочи не волнуют.

В их первую встречу Хезер, которую тогда звали Джейн Доулт, как и всех выпускниц кайзерстатских приютов, сидела на мраморных перилах набережной и ела огромный персик. Сначала Штефан подумал, что только видел эти персики на рынке, и у девчонки в сиротском платье точно не было денег его купить. Потом – что она выглядит слишком умиротворенной для обладательницы такого роскошного, черно-багрового синяка в пол-лица. Затем – что капли сока пачкают юбку, девчонку это не тревожит, а ему это нравится.

И наконец – что они точно подружатся.

В тот день Хезер выставили из приюта. Она рассказывала, что для «тихонь» был какой-то другой приют, который называли «Гнездом». Рассказывали, что там дают образование, кормят каждый день, а потом находят хорошую работу. Но для таких, как Хезер не было ни образова-

ния, ни работы. Она не попала в «Гнездо» в десять лет, а через четыре года ей выдали удостоверение, зеленую банкноту в пять тайров и пожелали счастливого пути.

Штефан из своего приюта сбежал. Хаайргат был аграрной страной, сельским придатком Кайзерстата. Штефану могли сколько угодно рассказывать о прелестях копания в огороде – гордиться тем, что его страна снабжает Райх картошкой он так и не научился. К тому же через полгода, когда ему исполнится семнадцать, его должны были призвать в армию. Патриотизма Штефана никак не хватало на десятилетнюю службу в какой-нибудь глуши.

В день, когда он познакомился с Хезер, Штефан как раз устроился в небольшую контору коммивояжером. У него была форменная, битая молю каракулевая шапка, украденная в кабаке куртка с вышивкой на воротнике, а еще он умел плясать чардак. О последнем он, слегка растягивая гласные, и сообщил нанимателю. Ему выдали демонстрационный набор – чемодан с крошечным сервизом, репликой Альд-лазури из альбионских каталогов. Он звал женщин «хольгем», а мужчин – «ур», на него смотрели с жалостливым презрением и ничего не покупали. Штефан плелся в контору сдавать набор, надеясь, что ему выплатят хотя бы пару монет за отработанный день.

Сейчас, когда Штефан мог продать даже воздух в бутылке, а Хезер не выходила из комнаты, не замазав еле заметные синяки под глазами, вспоминать об этом было смешно.

Он смирился с ее легкомысленностью, а она – с его бесцеремонностью. Она отрастила волосы и раз в месяц пропитывала каким-то составом, чтобы сильнее вились. Он, наоборот, волосы сбрил, отпустил бородку-якорь и усы, которые подкручивал перед переговорами и когда нервничал, и забывал об этом в остальное время. Зрителям нравилась и маленькая наглая Хезер и импозантный Штефан. Прошрое скрывалось под прожитыми годами, костюмами и гримом, но в такие моменты он всегда вспоминал перепачканную юбку и синяк Хезер.

...

Солоухайм затих на следующие сутки. По улицам ходили вооруженные люди в черных масках и с серебряными аксельбантами в виде змей, а из аэрофонов непрерывно звучал гимн Морлисса. Иногда раздавались выстрелы. Один, предупредительный, был в раму их окна – Штефан приоткрыл занавеску, а по улице как раз шли несколько десятков солдат.

Штефан с Хезер не выходили из квартиры и больше не открывали окна. Вито не появлялся, Штефан нервничал, Хезер, трезвая и злая, металась по комнате, пытаясь упаковать одежду, потом выбрасывала одежду, начинала паковать реквизит, а потом вытряхивала все на пол, ругалась и пинала коробки.

Штефан, чтобы отвлечься, достал из камина журнал, смел золу и снова попытался вывести из цифр хоть малейшую надежду.

Проблемы начались, когда их покинул шталмейстер, иллюзионист Томас Даверс. Антрепренер Штефан пытался удержать его, но без особого энтузиазма – Томас сочувствовал повстанцам и уже давно в их фургоне появлялись пассажиры или груз, о которых нельзя было спрашивать, а в счетах то появлялась максимально лаконичная графа «на расходы», суммы в которой иногда превышали их заработок, то, наоборот, скромно чернела приписка «прочие доходы». Впрочем, «прочие доходы» исчезали так же таинственно, как появлялись.

Но главная проблема, конечно, была не в потере ведущего. Хезер уже давно вела представления, и у нее прекрасно получалось. Главная проблема была в устаревшем оборудовании, изношенном реквизите и не обновляющемся репертуаре. К тому недавно, подавившись одной из крыс Хезер, сдохла змея заклинательницы Лоры, и Лора со скандалом ушла, укоротив представление еще на один номер.

Теперь умирала Пина, Вито не было видно уже несколько дней. В Гардарику уехало больше персонала, чем артистов. Штефан рисовал размашистые спирали поверх расчетов и думал, что скоро придется вспоминать, как копать картошку, или, что еще хуже – плясать чардак.

Из-за подпольной деятельности Томаса Штефану никак не удавалось накопить на экраны и проекторы, а запретить Томасу тратить деньги он не мог. Хотя бы потому, что когда-то именно Томас привел их с Хезер в цирк. Хезер как раз научилась гадать, а Штефан зазывал народ и следил, чтобы ей больше не ставили синяков. Огненно-рыжую шевелюру и мечтательный синий взгляд Томаса он заметил в толпе безошибочно, вцепился в обшлаг его сюртука и уговорил зайти в палатку.

Томас тогда был моложе. Тесс Даверс, его мать, еще не пересела в инвалидное кресло и была лучшим униформистом Кайзерстата. Это они собрали артистов, придумали номера и костюмы, они сделали труппу успешной. Антреприза «Вереск» была Томасом и Тесс Даверс, а Штефан с Хезер, взявшей ее имя – наследниками, и, видимо, не слишком достойными.

Все это ясно читалось в исчерканных спиралями числах.

Он просматривал кредитные сводки, печатавшиеся в газетах. Самые выгодные условия были, как всегда, во Флер, но чтобы поехать во Флер и взять там кредит требовалось сначала не умереть в Морлиссе и подбить все счета, чтобы было, что показать банку.

Он подсчитывал убытки от потери оставшихся костюмов и оборудования. Впрочем, осталось одно старье, и везти его в Гардарику выходило дороже, чем купить новое.

Он вполголоса, на родном языке, материл владельцев морлиссского завода, не плативших зарплату рабочим, морлиссское правительство и совсем немного – Томаса, который с чего-то взялся им сочувствовать.

И еще, очень тихо, припоминал Пине что означало ее имя на его языке. Он сразу сказал ей, что тот офицер с грустными глазами такой грустный потому что уже одной ногой в могиле, а не от тонкой душевной организации, но разве темпераментная, черноглазая Пина когда-то кого-то слушала.

Ночь прошла спокойно, и Штефан успел понадеяться, что все и вправду обойдется.

Взрыв раздался когда начала тускнеть непроницаемая предрассветная тьма.

Грохот был такой, что проснулась даже Хезер. Штефан выпутался из одеяла и ее объятий, медленно встал и отодвинул занавеску. Стекло уцелело, но пошло трещинами.

– Ну что, кедвешем, может все-таки поезд? – вкрадчиво спросил он.

Канарейки бестолково металась в проволочных клетках. С улицы слышались частые хлопки открывающихся окон, а потом – одно протяжное, грозное «у-у-у». Над крышами виднелось зарево пожара, качающееся где-то у порта.

Второй взрыв был слабее и раздался со стороны ратгауза.

– Штефан... – пробормотала Хезер, уже успевшая одеться. – Что происходит?

– Я тебе еще вчера сказал – революция, – огрызнулся он. – Стрельба, взрывы, массовые казни, дурачки с флагами, про которых потом во Флер будут книжки слезливые писать. Ну что, мы едем?!

– Надо забрать Вито из госпиталя... но он же не пойдет...

Она стояла посреди комнаты, переступая каблуками по скрипучим доскам и растерянно смотрела на полку с крысиными клетками.

– Схожу, – решил Штефан. Вытащил из кармана конверт, положил на стол и постучал по нему кончиком пальца. – Приглашение в Гардарику. Твое. Половина денег у тебя. Если что – бросай все, выпускай птиц и крыс, не надевай ничего синего, иди сразу на вокзал, показывай удостоверение... да ты сама все знаешь.

Хезер согласно кивнула, но сказала совсем другое:

– Я тебя буду ждать.

– До вечера. К шести не вернусь – значит, встретимся в Гардарике. Или следующем Сне, – усмехнулся он.

– Переоденься, – вместо ответа поморщилась Хезер. – Меня учит, а сам чуть не поперся в синей рубашке. И кепочку надень, чтобы кто-нибудь не принял сияние твоей лысины за блики взрыва.

– Голо-са над гор-р-родом! Флаги! Над крышами! – донеслось из открытого окна. На этот раз пел кто-то один, кажется, мужчина, и скорее всего с какой-то крыши. Срывающийся голос неся над городом, а внизу нарастал шум толпы.

Штефан закрыл глаза. Это была не его страна, не его восстание и единственным чувством, которое вызывало происходящее, было раздражение.

Впрочем, если бы революция произошла в Хаайргат, он бы испытывал еще и удивление. Знать Хаайргат дорожила миром и дотациями Кайзерстата, которому вовсе не хотелось постоянно подавлять бунты. Люди в Хаайргат были почти сыты, почти довольны и слишком заняты работой, чтобы думать о том, почему «почти» никогда не заканчивается.

– Мы держим в руках! Солнце, которое! Зажжется! Завтра!..

Раздалась очередь выстрелов и голос затих.

Штефан накинул на черную рубашку пиджак, застегнул безликое бурое пальто, замотал лицо шарфом и выскользнул на улицу.

Глава 2

Черный лепесток

Когда Штефан только сбежал из приюта – маленького двухэтажного домика в маленьком двухэтажном городе – он совершенно не умел ходить по улицам. Может, умел в детстве, но память о первых десяти годах жизни была рыхлой, как подтаявший снег – сверкала красиво, но рассыпалась, стоило притронуться.

Штефан помнил, как метался по Кельгефурту, уворачиваясь от паровых экипажей и наступая прохожим на ноги. Ему все время казалось, что огромные кирпичные здания в центре города вот-вот обрушатся ему на голову. Сейчас он понимал, как ему тогда повезло, что он решил бежать в соседний, благополучный и сытый Кайзерстат, где на него только огрызались. В Морлиссе или на Альбионе могли и выстрелить.

Но это было давно. Теперь Штефан не просто запоминал улицы любого города, где приходилось жить – он искал закономерности, особенности расположения домов. Это помогало ориентироваться даже в незнакомых частях города.

Солоухайм был закручен спиралью от центра. Если смотреть с дирижабля, было видно, что спираль щерится на прибывающих черными пиками крыш и дома лепятся почти вплотную. Но между четкими черными линиями было множество подворотен, пожарных лестниц, сквозных подъездов и ходов, позволяющих не плутать в лабиринтах дворов.

Их Штефан и старался держаться. С улиц раздавались крики, выстрелы и частое шипение электрических разрядов. Мимо то и дело пробегали люди с синими нашивками на рукавах или в синих же, кое-как намотанных шарфах. Он только провожал их удивленным взглядом. Солоухайм был серым городом с черными крышами. Серые стены, серые окна и много серого снега, который то растекался в водянистую грязь, то застывал ледяной коркой, по которой скользили любые ботинки. На фоне серого яркие, синие пятна становились идеальными мишенями.

– Идем! – вдруг схватила его за руку какая-то женщина в длинном синем пальто. – Идем, все уже там, чего ты ждешь!

Она потянула его от черного провала перехода на беспощадный мутный зимний свет. Прямо у них над головой разбилось окно, и Штефан отшатнулся под козырек ближайшего крыльца.

Женщина его так и не отпустила. Глаза у нее были дурные, и казалось, что она не слышит и не видит, что происходит вокруг.

– Подожди, мне надо забрать Вито! – проникновенно ответил он, пытаясь забрать руку.

– Кого?! Идем скорее!

– Вито! – терпеливо повторил Штефан, будто для женщины это имя хоть что-то значило. – Нельзя без Вито на площадь, никак нельзя.

Уверенный голос подействовал – женщина разжала пальцы, отвернулась и, кажется, тут же забыла о существовании Штефана.

Он зло сплюнул в сырой снег и поспешил скрыться в черном тоннеле перехода. За спиной раздался грохот и крик – кажется, из окна выбросили что-то тяжелое.

Уже в конце перехода он запнулся о что-то мягкое и упал, едва успев выставить руки. Снег зло оцарапал ладони, а что-то мягкое оказалось еще и чем-то мокрым. Штефан не стал разглядывать, о чей труп споткнулся, только выругался, когда вышел на свет и обнаружил, что пальто пересекает широкая черная полоса.

Теперь запах гари существовал не только в воображении Штефана – он намертво вплеся в ледяную сырость и усиливался с каждым шагом. Голоса становились все отчетливее. Когда пришлось идти мимо рынка, низко пригнув голову и стараясь стать как можно незаметнее, он

разглядел, как десяток молодых людей избивают ногами лежащих ничком жандармов, а толпа рабочих вокруг что-то одобрительно скандирует. Но, приглядевшись, понял, что ошибся – это жандармы вбивали в снежное крошево сброшенные мундиры.

Проскользнуть в следующий двор не удалось – он был перегорожен наспех собранной баррикадой, угрюмо ощерившейся дулами винтовок и повисшими синими знаменами. Под разбитым экипажем в основании баррикады Штефан разглядел труп – белая жандармская лошадь, шерсть в бурых пятнах, голову изуродовало выстрелом дробы.

– Инсталляция, – уважительно протянул он, поднимая повыше воротник.

Он шел вдоль стен, часто поднимая глаза, чтобы следить за окнами. Следующий переход, узкий и почти незаметный за фонарным столбом, уже чернел впереди, когда Штефан увидел мертвого санитаря.

Ему наверняка еще не исполнилось и двадцати. Мальчишка лежал, раскинув руки, весь обсыпанный поблескивающим розовым, как клубничный сорбет, снегом. Смотрел застывшими, забитыми снегом глазами на нависающие черные крыши.

– Пусть следующий Сон о тебе получше будет, приятель, – пробормотал Штефан, торопливо творя над мертвецом знак Спящего, а потом наклонился, перевернул его на спину и стянул с него широкую форменную куртку.

Штефан был не суеверен – да, прошлому владельцу не помогла медицинская неприкосновенность, но это не значило, что не поможет ему. Для артистов, конечно, тоже существовала закрепленная различными конвенциями защита, но Штефан справедливо полагал, что если бегать по улицам загримированным и в сценическом костюме – в него выстрелят еще быстрее.

– Чтоб тебе, Вито, тоже присниться, только кривым и с импотенцией, – прошипел он, выглядывая из-за угла.

Он и не подозревал, что в Солоухайм столько людей. Они наполняли улицы, высовывались из окон и размахивали флагами на крышах. То тут, то там мелькали черные мундиры и раздавались выстрелы – далекие хлопки и близкий, пахнувший порохом грохот.

Штефан заметил, что на него смотрит с крыши какой-то мужчина с винтовкой. Решив не проверять, чем привлек его внимание, Штефан нырнул в подворотню и замер.

У стены, спиной к нему, на коленях, заложив руки за голову, стоял светловолосый парень в студенческом сюртуке, подпоясанным обрывком синего знамени. Жандарм в сером мундире приставил револьвер к его затылку.

Штефан успел удивиться. Ему казалось, они стоят так бесконечно долго, замерев в тянущемся мгновении. Между эполетов жандарма по спине тянулась форменная вышивка в виде левиафана. На нее-то Штефан и смотрел, замороженный игрой неверного зимнего света на серебристых нитях.

Потом он успел подумать, что надо убираться, потому что жандарму нужно лишь нажать на спусковой крючок, а потом он обязательно обернется, и может быть, выстрелит и в него.

Но сбежать Штефан не успел – выстрел раздался раньше. Странный выстрел, ударивший отдачей в запястье.

Пару секунд он с недоумением разглядывал револьвер, который держал в руке, а потом поднял глаза. Чешуя левиафана потускнела, залитая кровью. Жандарм лежал на снегу, лицом вниз, а студент, по-прежнему стоявший на коленях, деловито обшаривал его карманы.

– Спасибо! – салютовал он свободной рукой, второй вытаскивая из-за пазухи жандарма револьвер и срывая с мундира аксельбант. – Как вас... чтоб меня, Штефан!

Он с трудом заставил себя сосредоточиться на лице парня. Кажется, это кто-то из тех, кому помогал Томас, Бен... Бенджамин Берг, точно, Бен Берг.

Да какое это имело значение.

Они прожили в Морлиссе больше двух месяцев. Штефан каждый день смотрел на проклятых змей на мундирах жандармов, каждый день носил с собой револьвер. Почему же именно сейчас?

Может, дело в том, что именно сейчас левиафан собирался кого-то сожрать?

– Буду должен, Штефан, – улыбнулся Бен. – Лен-н-нге лив-в-ве!..

Спустя секунду его уже не было – скрылся в переходе. Штефан растерянно посмотрел ему вслед, а потом мотнул головой, стряхивая оцепенение и последовал за ним.

Площадь он видел издалека. На виселице перед ратгаузом не осталось свободных петель. Штефан разглядел государственные мундиры казненных. Судя по тому, что шитье блестело медью, а не золотом, до высших чинов повстанцы еще не добрались.

Несколько раз его хватали за полы пальто раненные, но ему приходилось вырываться и бежать дальше – он все равно понятия не имел, что делать. Даже Колыбельных по Уходящим не знал.

Недалеко от взорванной башни ратгауза он заметил мальчика лет двенадцати. Он сидел, привалившись к стене, и зачерпывал дрожащими руками мокрый снег, чтобы оттереть заливающую глаза кровь. На лбу виднелась глубокая царапина. Наверняка ранило при взрыве.

Госпиталь находился рядом с ратгаузом, и Штефан видел его высокий кованый забор.

Можно было попробовать обойти площадь, но это заняло бы слишком много времени, к тому же во дворах все чаще встречались солдаты, которые не знали, что у него есть знак Спящего.

И еще мальчик.

– Ну-ка идем, приятель, – сказал Штефан, подхватывая его под локоть.

– Не пойду! – оскалился мальчик, попытавшись вырваться. – Пустите!

– Я санитар, – соврал он. – В госпиталь тебя отведу, не дергайся. Навоевался уже.

– Я-а-а... – протянул мальчик, немного расслабившись. – Я-а-а...

Штефан быстро оглядел толпу перед ратгаузом.

Здание раскинуло искалеченные взрывом кремовые крылья, словно пытаясь обнять людей на площади.

Одновременно кольнуло раздражение от опасности, которой приходилось подвергаться из-за упрямства Вито и легкое чувство стыда – скорее всего, ребенка никто спасти не будет.

– Р-р-рас-с-ступись! – рявкнул Штефан, проталкиваясь через толпу. – Разойдитесь! Дорогу!

Мальчик, к его удивлению, шел сам, только часто спотыкался. Люди еще не вошли в раж и пропускали санитаря с ребенком, кто-то из женщин даже жалостливо охал. Штефану было не до того – позади раздавались выстрелы, слаженные и ритмичные. Так палят не озверевшие от ударившей в голову свободы повстанцы. И ему совсем не хотелось встречаться с теми, кто умеет так стрелять.

Он пытался найти в толпе темные кудри и желтый шарф Вито, но попадались другие цвета – синие, серые, красные. Перекошенные рты, мрачные, злые лица, прищуренные глаза. И оружие, повсюду оружие – винтовки, ружья, какие-то обломки и обрезки металла. Один раз даже мелькнули грабли.

Штефан начинал звереть. Он ненавидел ходить в толпе, тыкаясь носом людям в плечи, а сейчас тыкаться в плечи злым и вооруженным людям хотелось еще меньше. К тому же они загораживали госпиталь, и он никак не мог разглядеть, что там происходит. Мальчишка спотыкался все чаще, и Штефану очень хотелось его бросить. Но тогда протиснуться к госпиталю точно бы не вышло, к тому же протестовали остатки совести.

– Дорогу, пропустите! – рычал он, продираясь туда, где виднелся просвет и черная ограда госпиталя.

А потом завывла сирена и на город опустилась тьма.

...

Сначала Штефан думал, что потерял сознание. Потом – что ослеп. Но когда раздался первый выстрел, и короткая вспышка осветила лицо стоящего на крыше солдата с закрытым черной маской лицом, Штефан понял, что все гораздо хуже.

Мальчик выпустил его руку, и еще мгновение Штефан мог удержать его, но в следующую секунду раздался дружный вздох и толпа пришла в движение. Его толкнули вперед, и он проехался щекой по чьему-то колючему шерстяному пальто.

Сзади раздалась еще одна очередь выстрелов.

Дома окружали площадь полукругом. Судя по звуку стреляли от домов и с крыши ратгауза. От мысли о том, что случилось бы, не уберись он от ратгауза, Штефана затошнило.

Людей перед госпиталем было меньше, но они постепенно прибывали.

Когда толпа сметет забор? Что они станут делать дальше, укрываться с кашляющими кровью пациентами?

Сверху раздался мерный шум винтов. Штефан знал, что так шумит – опускающийся дирижабль.

«Люди не посмеются, Хезер, – подумал он, пытаясь урвать глоток теплого, пропахшего потом и снегом воздуха в напирющей толпе. – Сейчас вообще не останется никаких людей».

Он по-прежнему ничего не видел – площадь укрывала неестественная, непроницаемая чернота. Только чувствовал – руки, ставшие неожиданно грузными и жесткими тела, пальто и куртки, то проскальзывающие мимо, то шершаво вжимающиеся в кожу.

Слышал хриплое, панически учащающееся дыхание, а еще запахи – пота, парфюма, пороха и гари, едкой, ядовитой гари, валящей из вздыбленного механизма под хрупкой палубой.

Люди не могли бестолково метаться – было попросту некуда. И они почти организованно, почти послушно, шли вперед, подгоняемые выстрелами с крыш. Они кричали, иногда кто-то падал. Штефан узнавал об этом, наступая на что-то мягкое и стонущее, лишшающее равновесия. Все, о чем он думал в эти моменты – если упадет – наступят и на него. В полном хаосе звуков и текстур чувствовалась организованная обреченность движения.

Бежать было некуда. Может, если бы люди развернулись и бросились под пули – большинство бы выжили. Укрылись во дворах, растеклись по городу и поблагодарили бы Спящего за хороший Сон.

Может, если бы это произошло завтра или через пару дней – люди бы так и поступили. Достаточно озверев, ощутив достаточно свободы, кто-то обязательно нашел бы в себе силы расстаться ради нее с жизнью и повести за собой остальных. Но это случилось сегодня, когда люди, воодушевленные взрывами и песнями, впервые вышли на улицы.

Как жаль, что Томас так и не раскрыл ему секрет фокуса с исчезновением.

Шорох винтов над головой становился все отчетливее. Еще немного – и маленький патрульный дирижабль опустится достаточно низко, чтобы люди в гондоле могли начать стрелять. Интересно, кто помогал дирижаблю спуститься?

Это была правильная мысль, но сосредоточиться на ней он не успел.

Штефана с размаха приложили лицом о ледяные прутья ограды. Он не почувствовал боли – только холод, не заглушенный истерическим стуком шестеренок в голове.

Люди напирали, и ему под ребра уперся кованый лепесток. Если бы не толстое пальто и куртка... Кто-то оттолкнул его, и толпа – скованные движения плеч, недовольно переступающие ботинки – сомкнулась, отделив его от ограды. В плечо ударила жесткая подошва – люди начали перелезать забор.

Носок сапога – на этот раз узкого, злого – ударил по носу. По лицу хлестнул мокрый подол.

Сверху раздался вибрирующий тонкий крик и отчетливый влажный хруст – кто-то сорвался в темноте и напоролся на пики.

Следом послышалось несколько глухих ударов, брань, а затем – снова крики. Штефан решил, что кто-то сорвался с забора и упал назад, на людей. Возможно, на штыки. Или на, чтоб их, грабли.

Люди замерли. Давка усиливалась, но на забор больше никто не лез.

Пока.

Штефан сделал шаг назад и начал раздеваться. Сделать это в нарастающей давке было нелегко, рукава путались, а пуговицы постоянно выскальзывали из пальцев. Проклятые пуговицы, кто придумал эту дрянь. И пришиты накрепко – не оторвать.

Скинув куртку, пальто и пиджак, он с трудом выпутался из свитера, а потом, позволив толпе снова прижать себя к забору, начал медленно сползать вниз.

Там, под забором, не было фундамента. Был зазор, пролезть в который мог только весьма субтильный человек. Хезер бы точно смогла.

Если бы ее раньше не затоптали, как того ослепшего мальчишку.

Первый удар пришелся под ребра. Если сейчас люди все-таки бросятся перелезть забор, и он просядет – ему конец.

Сдирая кожу, он медленно, изо всех сил стараясь не делать губительных резких движений, двигался туда, в восхитительную снежную пустоту двора перед госпиталем.

За первым ударом последовал второй, третий, а потом кто-то тяжелый, в ботинках с ребристой подошвой, наступил на его плечо, намертво пригвоздив к истоптанной грязи.

– Ты!.. – выдохнул Штефан, наконец дернувшись. Потом еще и еще, уже не обращая внимание на кровь, растекающуюся по исцарапанной груди и густую нарастающую боль в местах ударов.

Так и должно было быть – люди помогали ему пролезть под проклятым забором, просто пытались освободить лишний волосок пустого пространства. Только очень уж злой получалась их помощь.

Все заняло не больше тридцати секунд, хотя Штефану и казалось, что прошло не меньше часа. Новая очередь выстрелов, с крыши и дирижабля, раздалась как раз когда он выскользнул на ту сторону и, загребая исцарапанными ладонями снег, откатился от щели.

И люди все-таки полезли на забор.

...

Воздух из терпкого и прелого внезапно сделался морозным и колючим. Штефан бросился от забора, слепо вытянув перед собой руку. С облегчением почувствовал, как ладонь разом оцарапали сотни иголок. Двор перед госпиталем был усажен елями, считалось, что они делают воздух целебным. Штефану всегда было плевать, но теперь он искренне ненавидел тех, кому пришла в голову светлая мысль посадить именно эти деревья – он еще больше изодрал руки, пока выламывал ветку. Зато теперь он мог бежать, нащупывая дорогу и не бояться во что-нибудь врезаться.

Во дворе постепенно появлялись люди – сзади доносились глухие удары, стоны и все ближе звучащие выстрелы, освещающие редкими вспышками повисший над толпой дирижабль.

Почти секунду Штефан всерьез рассматривал дурную мысль залезть на елку и сидеть там, пока тьма не рассеется.

Но он почти тут же отменил эту идею и бросился к госпиталю.

Нужно было только обежать это длинное, старомодное здание, не упасть в декоративный пруд, не врезаться ни в одну из елей и статуй, которыми был украшен двор, не сломать ногу, перепрыгивая бордюры дорожек и клумбы.

Штефан бежал, нащупывая путь скользкой от крови палкой и изредка уворачиваясь от пронсящих мимо людей. Споткнулся о небольшой заборчик, упал лицом в клумбу, успел порадоваться, что там нет цветов. Зато был снег – все такой же недружелюбный и шершавый.

«Когда найду Вито. Если найду Вито. Когда я, чтоб-его-обязательно-найду-мелкого-паршивца», – думал он, чувствуя, как очередной прыжок выбивает воздух из легких.

Что он будет делать, Штефан пока не решил, но палку хотелось сохранить. Она присутствовала в большинстве злых, раздраженных фантазий, которые нужны были только для того, чтобы направить на кого-то все прибывающую злость.

Он бежал и дышал совсем бестолково – то ртом, то носом, инстинктивно впуская в легкие как можно больше воздуха. Любой, любой ценой.

В газетах писали, что изоляция госпиталя не требуется. Но врачи и Утешительницы в госпитале носят золотистые птичьи маски.

Потому что воздух ядовит?

Внезапно все стало опасным – изменивший утренний свет, воздух, припорошенные снегом ели и невидимые пошлые статуи в виде полуголых женщин, томно тарасивших в темноту мраморные глаза. И люди, еще вчера бывшие рабочими, лавочниками, а может и зрителями его представлений, вдруг превратились в безымянную, обезумевшую опасность, вырывающуюся из темноты.

«Чтоб тебя, Вито. Чтоб тебя, Вито. И туда тоже».

Палка, видимо, проскользнула сквозь прутья, потому что в ограду он опять врезался, взыв от боли. Упал лицом в снег и пролежал так целых несколько секунд, слушая приближающиеся шаги тех, кто тоже решил попытаться выскочить с другой стороны и чувствуя, как раскаленный свинец, прилипший к коже от удара, постепенно застывает.

А потом он услышал чьи-то тяжелые шаги, пыхтение и частый скрип забора – какой-то мужчина тоже успел обежать госпиталь и теперь молча перелез забор.

Штефан не шевелился. Слушал. Вот шуршит его куртка где-то наверху, мужчина осторожно ощупывает пики. А потом грузно спрыгивает и бежит туда, в непроницаемую черноту, только снег скрипит под ботинками.

Штефан уже дернулся к забору, когда раздался выстрел – звездочка зажглась в темноте, большая и злая звездочка пороховой вспышки. Но солдат не попал, мужчина продолжал бежать. Второй выстрел донесся с другой стороны. Третий, четвертый. И наконец раздался протяжный стон и звук падения.

Умирать было обидно. Вот так, в дрянной колдовской темноте, со сломанным носом, лежа на снегу в одной рубашке, в чужой стране, из-за чужой глупости. Страха не было, и почти не осталось холода и боли, только едкая досада.

Он еще раз растер лицо снегом. Крупные прохладные капли затекали под воротник, мокрая рубашка липла к груди.

– Знаешь, а я раньше плохо спал, – неожиданно для себя обратился к непроницаемой темноте Штефан. – Дрянь всякая снилась постоянно, просыпался злой, засыпал долго. Сходил к врачу, он посоветовал поменьше мяса на ночь жрать и капли прописал, с тех пор если что и снится – то яблони, бабы... У Богов такого нет? Капелек, а?

Взрыв раздался словно в ответ на его мысли. Сначала хлопок, мгновение тишины, а потом предсмертный крик умирающего здания – скрежет металла, частый сыпучий грохот разметающихся камней.

И тьма спала.

Штефан увидел серое небо над головой и медленно опускающийся, неестественный, мирный снег. Такие пушистые снежинки.

Вместе с тьмой спало оцепенение. Он вскочил, огляделся. Вокруг – десятки замерших, растерянных людей, успевших перелезть забор. Там, на другом конце, у ратгауза толпа, расте-

кающаяся по истоптанному снегу кровь и мертвецы, под забором, на заборе и за ним тоже. Солдаты с ружьями, стоящие почти вплотную к людям.

А над толпой...

Штефан впервые за весь сегодняшний, кроваво-снежный, безумный день, почувствовал настоящий ужас. Такого он не испытывал наверное с тех пор, как пришел в себя на корабле.

Тогда над палубой тоже завис маленький дирижабль, вылетевший из кайзерстатского порта, золотистая надежда в голубом небе.

Этот был похож на тот, что прилетел тогда за Штефаном. Старый, дешевый патрульный дирижабль, по которому растекались черно-красные пятна, оставляющие за собой задымленную серую пустоту и хрупкие треугольники шпангоутов.

«А если бы продолжали водородом наполнять... или гелием?.. Или чем они там наполняют, да какая разница, Спящ-щ-щий, что же тебе никак не спится спокойно...» – ошеломленно думал Штефан, глядя, как стремительно сгорает дирижабль – маленькая золотистая надежда – над толпой, которую, казалось, ратгауз уже не обнимал – зажимал в тиски.

Как кружат над головами почему-то молчащих людей черные хлопья горячей обивки. Как сминается хрупкий каркас, теряет форму и лепестком опускается.

Опускается.

Укрывает.

И наконец Штефан услышал первый захлебывающийся крик.

Глава 3

Белая петля

Штефан очнулся в полной темноте. Он не мог ни открыть глаза, ни разлепить ссохшиеся губы. Только чувствовал, как мир мерно качается вокруг и как горло забивает жажда, острая, колючая, как ветви ели.

– Штефан? – голос Хезер звучал совсем рядом, и он неожиданно для себя смог совершить невозможное – дернуться и вытолкнуть из пересохшего горла слова, показавшиеся главными.

– Беги, дура!

Потому что над толпой горит дирижабль. Потому что солдаты стреляют с крыш, и с земли тоже стреляют, потому что в Солоухайм есть чародей, умеющий насылать непроницаемую черноту, которая не страшна солдатам в черным масках, они видят, видят каждого, и как дирижабль горит над толпой, и Хезер не должно быть там, где...

– Все хорошо. – Ледяная рука легла ему на лоб, оборвав потревоженный лихорадочный ворох мыслей. – Тебя вытащили. Даже домой привели...

Хезер убрала руку, и там, где она прикасалась еще целую восхитительную секунду оставался прохладный след, медленно затягивающийся сухой коркой боли.

– Не нашел, – коротко бросил Штефан, по-прежнему не открывая глаз.

– Его уже вряд ли кто-нибудь... – тихо ответила Хезер, помогая ему приподняться и прислоня к его губам прохладное стекло стакана. – Тебя мальчик привел, рыженький такой. Очень торопился от тебя избавиться, но ему Бен сказал довести «херра циркача» до дома.

Он почти не слышал, что она говорит, и его это мало волновало. Потому что в стакане была вода, и когда она кончалась, Хезер наливала еще. А в воде, судя по привкусу, были капли, постепенно рассеивающие головную боль. Вот это имело значение. А все остальное, если у них над головой не горит дирижабль – нет.

– Я что, сам шел? – все-таки спросил он, в тягостное мгновение, что она наполняла стакан.

– Шел, даже ругался, – вздохнула она.

– Отлично, – Штефан вылил на ладонь остатки воды и попытался промыть глаза.

– Нет, не надо! Я тебя мазью от отеков намазала, ты бы рожу свою видел...

– Я не могу увидеть свою рожу, Хезер, потому что ты просишь меня не открывать глаза, – проворчал он, ощупывая лицо кончиками пальцев. Кожу действительно покрывал слой подсохшей мази, а на носу обнаружилась странная проволоочная конструкция.

– Судовой врач сказал сломали, – подтвердила она. – Ты теперь будешь кривоносый и храпеть.

Он хотел огрызнуться на ее неловкие попытки шутить, но потом осознал весь смысл сказанного и почувствовал, как ужас спазматически сжался в животе.

– Какой врач?!

Мир продолжал качаться. Штефан несколько секунд убеждал себя, что его просто мутит, и что это просто невозможно. Что он слышит, как мечутся в клетках канарейки, и что если открыть глаза – увидит те глупые обои в цветочек в их спальне.

Но долго обманывать себя не получилось – мир действительно качался.

– Судовой, – безжалостно подтвердила Хезер. – Там, на улице началось... Все стреляют, вопли, трупы, пожары, взрывы, соседка сказала, что уже началось мародерство. На дереве у нас перед домом мужика повесили, так он наверное до сих пор там висит... Ты без сознания валялся, жрать нечего, из лекарств дома микстурка от головной боли и успокоительное, я тебе

их на всякий случай и дала. Наверное, надо было поменьше, вдруг ты из-за них не просыпался...

Она говорила спокойно, не оправдываясь и не торопясь. Штефан очень старался на нее не злиться, в конце концов умница Хезер иногда выключала голову в самый неподходящий момент, но на этот раз почти сделала все правильно, разве что с перепуга напоила его всеми лекарствами, какие нашла.

Правда, он не представлял, как она дотащила его и канареек до порта, и как договаривалась с капитаном.

– Мне помогли, – отозвалась она на его мысли. – Потом пришел еще один мальчик. Бен где-то бегал, но сказал, что нас нужно доставить в порт. Договорился с капитаном парохода, что он нас возьмет на борт... Мальчик, как там его... в общем, помог добраться.

– И мы на пароходе, – вздохнул Штефан.

– Да. Так получилось.

Теперь, когда пропала необходимость убеждать себя, что звуки тоже рождает больное сознание, Штефану пришлось признаться – мир не просто качался. Он гремел и выл.

Впрочем, пока фабрики не стали, Солоухайм тоже выл и гремел.

– Дай воды, – попросил он.

В каюте явно было светло, потому что полумрак под веками был вполне уютным, но после колдовской темноты на площади Штефану меньше всего хотелось дальше оставаться слепым, чтобы там ни было с его рожей.

Глаза пришлось промывать тщательно – охлаждающая мазь немилосердно жгла. Хезер помогала уголком мокрого платка, и в конце концов он смог открыть глаза и оглядеться.

Он ошибся. Это была не каюта – он лежал на наваленных друг на друга мешках. Вокруг – ящики, бочки, другие мешки. Единственная лампа была в руках Хезер – свернутая и засунутая в банку светящаяся лента.

– Мы что, в трюме? В... трюме?!

– А в каютах мест не было. Нигде не было, капитан какие-то запчасти везет огромной партией, – пожала плечами Хезер. – Да ты не переживай, Кайзерстат скоро, там в порту сойдем, купим билет на поезд... или дирижабль. И до Гардарики.

Штефан почувствовал, как при слове «дирижабль» снова подступает тошнота. Впрочем, говорить Хезер, что еще немного и им придется ходить исключительно пешком, он не стал.

– Мы потеряли экипаж, – продолжила она, расправляя юбку. – И все барахло, конечно, но я забрала самое важное. Ну и твою сумку, не переживай.

Ему даже не понадобилось спрашивать, что именно Хезер считала «важным». Походная клетка с канарейками стояла неподалеку.

– А где... крысы?

– Капитан сказал, что с крысами не пустит, – печально ответила она, и в ее голосе было куда больше скорби, чем когда она рассказывала об умерших людях. – Пришлось отпустить.

Где бы они ни останавливались, Хезер всегда кормила крыс. И из каждого города забирала по одной, особо привязавшейся. Если бы крысы не дошли и не сбегали – для клеток приходилось бы покупать отдельный фургон.

– Ты не знаешь... много людей погибли? – спросил Штефан, глядя в низкую темноту.

– Очень, – ответила Хезер. – Очень много... Мальчик по пути рассказал, что им удалось убить чародея, который вас ослепил. Что они с друзьями помогали людям, что тебя нашли... такой увлеченный. Глаза горели.

– Это из-за них загорелся дирижабль?

– Да. Думаю, солдаты специально спустили дирижабль, зная, что по нему побоятся стрелять... А они с Беном что-то взорвали...

– Нет, Хезер, – пробормотал Штефан, глядя на кольца светящейся ленты за мутным стеклом. – Люди ничего не видели. Люди были в панике, они вряд ли могли думать, куда можно стрелять, а куда нет... Думаю, дирижабль специально послали, зная, что он упадет.

– Если это герр Варнау придумал – я была о нем лучшего мнения... А знаешь, что мальчик еще сказал?

– Что же?

– Что это большая удача. Что они не могли на такую даже рассчитывать. Что людей можно было запугать, что в первый день одними патрулями и морлиским гимном удалось заставить всех сидеть по домам, но теперь... теперь народ разозлится, сказал мальчик. Молоденький, рыжий-рыжий, как белка, и глаза светлые. Красивые мальчики в Морлиссе. Только злые.

...

Штефан заставил себя выйти на палубу только на следующий день. Его мутило, казалось, что в местах ударов под кожу вшили по свинцовой пластине, и стоило ему встать, как из носа начинала течь кровь. Густая, застывающая на усах, сколько ни вытирай. И Штефан позволял себе побыть в трюме еще час. И еще. И еще восемь, в безопасном полумраке, позволяющем обманывать себя. Даже к галюну был выход по низу, и причин выходить на воздух Штефан не видел.

Хезер не лезла к нему с вопросами, не позволяла себе сочувствующих взглядов и вообще делала вид, что все в порядке. Только один раз, когда думала, что он спит, поднялась на палубу. Вернулась с двумя ломтями хлеба, плоской густого, остро пахнущего темного соуса и двумя кружками чая.

– Штефан? Поесть надо, ты так хрипишь, что слушать страшно.

– Я не сплю, – проворчал он. – Слышу, как хриплю, и мне тоже страшно.

– Ни секунды не сомневаюсь. Ты же думаешь, что подхватил легочную гниль, пока бегал вокруг госпиталя, а не простыл, валяясь в сугробе в одной рубашке.

– Ты знаешь, как распространяется легочная гниль? – спросил Штефан, забирая у нее кружку. Чай напоминал кипяченый сироп и при этом умудрялся горчить. – Врачи ходят в масках. Подумай сама – если признать, что она опасна, то придется изолировать пациентов, а их полгорода...

– Поэтому все знают, что она опасна и позволяют людям ее разносить, – поморщилась Хезер. – Перестань, я же тебе гадала – ты не умрешь от болезни, ты утонешь.

– Ты выбрала лучший момент чтобы об этом напомнить, – проворчал Штефан, недоверчиво приносясь к соусу.

Он знал, что морлиские мореходы очень любят смесь масла, уксуса, патоки и пряностей, которую возили с собой с тех времен, когда на кораблях болели цингой. Но как можно получать удовольствие от этой дряни, так и не понял.

Впрочем, перебирать не приходилось.

С тех самых пор, как затонул «Пересмешник», Штефан не выходил в море. Он не находил никакого смысла постоянно ждать нападения змей и пиратов. Кто-то видел в морских путешествиях приключение, кто-то смирялся с риском, но Штефан предпочитал переплачивать за пересадки и тратить лишнее время. Сколько угодно времени, лишь бы снова не доверять жизнь неверной серости накатывающих волн.

Пока Хезер не спала и можно было курить, отвлекаться разговорами и чаем, Штефан еще надеялся, что легко дотянет до порта. Что можно не признаваться себе, что они на корабле, и тогда не будет никакого корабля.

Но стоило Хезер уснуть, погасив успокаивающий поток слов, как реальность сделалась едкой и беспощадной.

Реальность медленно плыла вместе с пароходом. Она цеплялась за хлопья ржавчины и чешуйки отошедшей краски на его бортах, проваливалась в оскаленную пасть, нарисованную на носу и мешалась с просыпающимся простудным жаром.

Сначала особенно отчетливым стал звук погружающихся в воду и вырывающихся на поверхность весел. Он не видел, как выглядят весла на этом пароходе, но это и не требовалось – все они были почти одинаковыми, искривленные паучьи лапы, задирающиеся, словно у мертвого насекомого, когда пароход стоит, и визгливо взбивающие в пену морскую воду, когда пароход идет. Пароходы всегда напоминали Штефану противоестественный гибрид таракана и носорога. И, стоит признать, вызвали куда больше симпатии, чем сентиментальные скорлупки механических парусников.

Но теперь места для симпатий не осталось. Потому что суставы весел визжали, а море оскорбленно шипело.

И Штефан чувствовал, как странно тянет плечи, локти, запястья и фаланги пальцев. Словно это он загребает густую холодную воду, толкая вперед неповоротливую машину.

«Ы-ы-ф-ф-ф-а-а» – выдыхает где-то сверху жирный черный дым труба. Пачкает им голубое небо? Или добавляет живой темноты в повисшие над водой вечерние облака?

Какая разница. Это Штефан выталкивает дым из легких. Дым копится, вырывается хлопьями, на него налипает воздух, и Штефан сам не замечает, как заходится в приступе режущего кашля одновременно с очередным стоном трубы.

А там, под животом – потому что сама мысль о том, чтобы лечь на спину, подставив ее морю, вызывает неконтролируемый ужас, – под порошим ракушками, бронированным брюхом парохода, стелется ледяная жадная тьма.

Хотелось разбудить Хезер. Попросить ее рассказать какую-нибудь чушь, послушать про крыс, подумать, что делать, оставшись без обоих гимнастов, иллюзиониста и заклинательницы змей.

Несколько раз он протягивал руку, но тут же опускал. Еще ни разу дозволенная слабость ничем хорошим не заканчивалась.

Штефан плохо помнил первые десять лет жизни. Чуть лучше помнил первые годы в приюте. И не хотел вспоминать.

Точно не потому, что там, под днищем парохода – под тонкой, похолодевшей кожей – билась бесконечная чернота.

Ученые говорили, что неба на самом деле нет, что там, за облаками ледяная тьма, и никто не знает, что за этой тьмой.

Но почему-то они ничего не говорили о море. О том, что оно тоже бывает черным, ледяным и бесконечным. Что на человека, по глупости вышедшего в море, давят сразу две темноты – сверху и снизу, зажимают в тиски, как крылья ратгауза, расползаются хлопьями, как обшивка дирижабля над головами людей, а интересно, есть ли в небе свои левиафаны?..

Стоило подумать об этом, все остальные мысли куда-то делись. Штефан зажмурился.

Прямо под ним. Прямо сейчас, из густой черной воды к поверхности медленно всплывал огромный змей.

Штефан чувствовал его, словно действительно касался прижатыми ко дну – когда он успел скатиться на пол? – ладонями шершавой холодной чешуи.

Кажется, пароход действительно завибрировал.

«И-и-иф-ф-ф-ф», – жалобно взвизгнула труба и закрылась с хлопком, как окно, отсекающее жилища от ужаса на улице.

«Ф-ф-ф-ш-ш-ша-а-а», – вторили ей весла, и морская вода скатывалась с них тяжелыми, ленивыми каплями.

Змей, там, под днищем парохода, открывал рассеченные напополам черточкой зрачка серебристые глаза.

Штефан не выдержал. Вскочил с пола, поискал взглядом пальто – им укрывалась спящая Хезер – и, выругавшись, натянул свитер и поднялся на палубу.

Торопливо, почти унижительно торопливо, чтобы не успеть передумать.

Море действительно было черным и отражало черноту ночного неба. Весла мерно шуршали, разбивая блики на воде, а небо сияло брызгами звезд, которые словно расшитая бисером сетка, не давали темноте пролиться людям на головы.

Палуба была пуста. Пару дозорных можно было считать нарисованными силуэтами. Над водой стелилась дымка, пахнувшая солью, сыростью и ржавчиной. Никакой гари.

Штефан постоял несколько секунд, а потом вернулся в трюм. Вытащил из кармана пальто портсигар и спички, выдернул из-под ворота шарф и снова поднялся на палубу.

Хорошие папиросы делали в Морлиссе. Терпкие, крепкие, ни разу не попалось пересушенной или отсыревшей. Попытался вспомнить, какой табак в Гардарике – и не смог. Что в Кайзерстате любят липкий, вишневый – помнил, а что курят в Гардарике – нет.

Помнил дома из красного кирпича. Помнил, что там больше, чем в любой другой стране любят рельсовый транспорт, а еще ажурные решетки, черные, медные, белые. Кружевные города, искрящийся снег, мороз, в котором вечно звенит цитрусовая колкость, терпкий красный напиток из кипрея вместо чая. Скоро Штефан там будет. И пускай в Гардарике холоднее, чем в Морлиссе, там нет революций, горящих дирижаблей и мало выходов к морю, а это в глазах Штефана искупало любые грехи.

Мысли становились все плавней и благодущнее. Успокаивал шорох весел, плотный, но мягкий дым, наполняющий легкие, мысли о стране, которая в воспоминаниях почему-то напоминала усыпанный сахарной пудрой печатный пряник. Штефан понимал, что в Гардарике был последний раз в двадцать лет, с Томасом, и он говорил, что каждый город там не похож на другой. И что сейчас ему вряд ли покажется похожей на пряник хоть одна страна, ведь вздох восторгаться крылечками и крышами он давно разучился, зато научился смотреть под ноги.

Но думать о крылечках, крышах и чае было куда приятнее, чем о змеях в черной воде.

– Курите?

Штефан растерянно обернулся. Хрупкая иллюзия разбилась сухим голосом, задавшим глупый вопрос. Впрочем, на него по крайней мере существовал правильный ответ.

Он разглядывал собеседника уже протягивая открытый портсигар. И жалел, что не остался в трюме. В Морлиссе он видел много таких мужчин – их словно подбирали похожими друг на друга, сероволосых, жилистых, со злыми тонкогубыми лицами.

Вера в Белого была совсем молодой. Ее адепты не верили, что мир снится Спящему, и что все закончится, когда Он проснется. Носили белые шарфы, завязывая их висельной петлей, для проповедей снимали театральные и концертные залы и редко говорили что-то обнадеживающее.

– Спасибо, – поблагодарил мужчина, прикуривая от пляшущего над ладонью огонька. – Это вас привела маленькая женщина с крысиной клеткой?

«Маленькая женщина с крысиной клеткой, – ошеломленно подумал Штефан, на которого эти слова произвели куда большее впечатление, чем обычное чародейское позерство с огоньком. – Да кто вообще так разговаривает?»

– Да, – вслух ответил он. Дым внезапно показался горьким и запершил в горле подступающим кашлем.

– Это вы были на площади у ратгауза, когда загорелся дирижабль?

– Да.

Штефан затаился, но, как назло, оставалась еще половина папиросы, а выкидывать недокурную было жалко.

– Знаете, почему он загорелся?

Он с трудом сдержался, чтобы не сказать «да».

– Потому что дети не очень хорошо устраивают перевороты и взрывают башни, – с плохо скрываемым раздражением ответил Штефан. Лицо собеседника оставалось непроницаемым, а папироса в сухих губах выглядела неуместной.

– Потому что Спящий проснулся, – равнодушно ответил чародей. – Меня зовут Готфрид Рэнди.

Эти реплики сочетались между собой еще меньше, чем имя и фамилия Готфрида Рэнди.

– Спящий... что? Послушайте, я не религиозен и не стану менять веру...

Ледяной ветер дернул белый шелк шарфа у Готфрида на шее, оставив в полумраке светлый росчерк.

– Проснулся. Как быстро вы понимаете, что сон закончился и наступила реальность, герр?..

– Надоши. Штефан Надоши. Я не понимаю, о чем вы говорите.

На самом деле он прекрасно понимал. Половина нищих в Морлиссе наматывали на шеи грязные светлые тряпки и рассказывали всем желающим (и нежелающим тоже) о грядущем конце света.

– Вы открываете глаза, герр Надоши, когда вам приснился особенно яркий сон, и несколько секунд не понимаете, где вы и кто. Вы еще видите обрывки своего видения, но оно тускнеет, рассыпается, и вы понимаете, что сон закончился. Ваш Спящий уже открыл глаза.

Штефан сильно сомневался, что люди предпочтут сменить многовековую религию на новую, чтобы не верить, что Спящий открыл глаза, а патетические речи, подстерегающие даже у продуктовых палаток, успели надоесть. В такие моменты он жалел, что знает морлиссский язык.

Папироса обожгла пальцы. Штефан щелчком отправил ее за борт и улыбнулся.

– А вы, герр Рэнди, всем рассказываете эту чушь?

– Только тем, кто готов слушать, – ответил Готфрид, и Штефан различил в его светлых глазах ехидные искорки.

– Я антрепренер. Разбираюсь в клоунах. И шоу. Ваше я бы смотреть не стал, но на работу бы вас нанял.

– Надо же, мы почти коллеги, – сказал Готфрид, словно не заметив колкости. – Я тоже собираю людей и устраиваю шоу.

– Проповеди о конце света и вечных муках – плохое шоу, – скривился Штефан. – Я думал, вы корабельный чародей.

– Вы просто не видели хороших проповедей, герр Надоши. – Готфрид прислонился к борту, повернувшись к морю спиной. – Я корабельный чародей, но мне платят за плавание, могу сойти в любом порту и не продлевать контракт. Вы служили в армии?

– В армии... нет, не служил, – соврал он.

Штефан закурил еще одну папиросу и протянул портсигар Готфриду. Возвращение в трюм уже не казалось хорошей идеей, а на палубе хоть и было прохладно, но зато нашелся собеседник, готовый рассказывать отвлекающую чушь, пусть и не слишком жизнеутверждающую. К тому же свежий воздух растворил подступающую простудную муть и очистил сознание.

– Но сертификацию вы проходили?

– Вы об этом, – поморщился Штефан. – Да, у меня в порядке все документы. У меня нет никаких сил, я ничего не умею, никогда не учился и не собираюсь.

О своих чародейских способностях Штефан не вспоминал уже лет пятнадцать. Сначала в его комнате трескались стекла газовых светильников, потом под его окнами стали появляться кротовые норы и мертвые птицы. Тогда Штефан испугался. Решил, что герр Виндлишгрец пробудил в нем какие-то темные силы, что ему придется становиться военным и придумал еще много какой-то чепухи.

Его свозили в город. Обследование проходило в госпитале, а не сыром подвале, который он успел нафантазировать. Улыбчивая женщина в белом бархатном сюртуке сказала, что у него нет никаких способностей, и этот короткий всплеск пройдет сам через пару лет, а пока ему стоит полгода попить специальную микстуру и ни о чем не волноваться.

«Молодые люди часто сталкиваются с неконтролируемыми вспышками, – подмигнула она. – С колдовством так же. Считайте это гормональным сбоем».

С тех пор о мертвых птицах и разбитых светильниках напоминала только отметка в удостоверении. И вот такие люди, чувствовавшие в нем способности. Обычно это звали «изъян».

– Вы, наверное, были очень разочарованы?

– Чем? Тем, что у меня не нашли способностей? Я в первый же выходной поехал с наставником в Колыбель и оставил там все сбережения в благодарственное пожертвование.

– Все хотят уметь колдовать, – заметил Готфрид.

– Нет, герр Рэнди. Все чародеи думают, что остальные хотят колдовать. Я видел слишком много чародейского... бессилия.

Герр Виндлишгрец зажимает рану полой набрякшего кровью мундира. Нор Гелюф, мастер мороков и иллюзий, путешествовавший с их трупной три года, корчится на земле, пытаясь выцарапать себе глаза. Его рвет кровью, прямо на мягкую весеннюю траву. Штефан так и не узнал, какой морок заставил его отравиться. И не хотел знать.

А вот совсем юная Хезер рыдает, вытирая слезы пестрой шалью. Ее предсказания начали сбываться и она боится, что это пробуждается сила, которая поглотит ее разум.

Штефан не знал человека, которому чародейская сила принесла бы счастье. И подозревал, что Готфрид не просто так надел белую шелковую петлю.

– Значит, вы не видели ни хороших проповедей, ни хороших чародеев. Может, мне удастся это исправить, – улыбнулся Готфрид. – В море опасно, герр Надоши.

– Надеюсь, вы имеете ввиду проповедь, – проворчал Штефан, потушив окурок о борт. – Спокойной ночи, герр Рэнди.

В трюм он спускался уже без всякого страха. Когда он лег, Хезер, не просыпаясь, попыталась накинуть на него пальто.

«Маленькая женщина с пустой крысиной клеткой, ну надо же», – с усмешкой подумал он, закрывая глаза.

Глава 4

Портреты, которые мы выбираем

Канареек Хезер выпускала полетать по одной. Штефан не представлял, как она их различает, но верил, что вылетают не одни и те же птички.

Он лежал на все тех же мешках, смотрел, как мечется в полутьме желтое пятнышко, и старался не думать о воде и некстати разыгравшейся морской болезни.

– Они меня почти не слушаются, – пожаловалась Хезер, в третий раз постучав пальцем по дверце клетки, чтобы загнать канарейку.

– В Гардарике должен быть чародей, который этим занимается. Либо снова зачарует этих, либо новых купим... если будет на что.

– Я к этим привыкла, – вздохнула она. Канарейка наконец вернулась в клетку.

– Это птицы, Хезер. У них мозгов ровно столько, чтобы в деревья не врезаться.

– Много ты видел людей умнее моих канареечек?

Штефан, усмехнувшись, поднял руки. Возразить было нечего.

– Ты по-гардарски хорошо говоришь? – сменила она тему.

Поманила единственную красную канарейку и быстро захлопнула дверцу, чтобы не вылетели остальные.

– Вообще не говорю. Ну так, дорогу могу спросить. Томас говорил. Он тебя разве не научил?

– Нет... то есть научил, я... дорогу могу спросить. И текст выступления помню, но как мы будем новых гимнастов искать? Как это у тебя делается?

– Вижу кого-то, кто может стоя ухо почесать пяткой, показываю ему сначала деньги, потом – антрепренерский значок, – задумчиво сказал он, провожая взглядом скрывающуюся в темноте птичку.

– Удивительно, как цирк вообще выжил, – фыркнула Хезер, садясь рядом. – Плохо тебе?

– Нормально, – соврал Штефан, чувствуя присохшую к гортани горечь выпитого утром кофе. – На берегу будет совсем замечательно.

– Завтра должны приплыть, – сочувственно отозвалась Хезер. Штефан только прикрыл глаза.

Они слишком долго были вместе, заменяя друг другу братьев и сестер, родителей, любовников и друзей. У него было немало других женщин, у нее – других мужчин (женщины, насколько он знал, тоже бывали), но они всегда были друг у друга. И он только ей прощал эти жалостливые интонации.

– Если никакой дряни до конца пути не случится – съем свой значок и гимнастам будет нечего показывать, – мрачно предрек Штефан.

– Ну, тогда тебя будут ждать не лучшие несколько дней, полных раздумий и покаяния.

Канарейка села на юбку Хезер, прямо в центр красной клетки. Красная птичка раскинула крылья в красном квадрате – мгновенный кадр, идеально симметричный и неуловимый. В следующую секунду канарейка исчезла в полумраке.

В такие моменты Штефан жалел, что так и не научился рисовать или фотографировать. Томас умел воспроизводить такие моменты иным способом.

Хоть Томас и звал себя фокусником, Штефан всегда считал его художником. Бедным, непризнанным, с вечным недостатком красок и холстов. «Вереск» приносил прибыль, тут же тратившуюся на костюмы, оборудование и зарплаты артистам, но этого всегда было недостаточно. Таланту Томаса было тесно в этих прибылях.

Пять лет назад, в Рингбурге, Штефан впервые выбил им место в официальной программе большого государственного праздника. Несмотря на то, что представление начиналось с череды неудобств и унижений, Штефан считал его лучшим в истории «Вереска».

Началось с того, что ему так и не удалось получить разрешение выступать перед кайзером, праздновавшим десятилетие правления.

Потом ему выделили для выступления зал в Ан дер Мархальф, втором по величине столичном театре. Штефан целых десять секунд радовался, хотя разница между театральной сценой и цирковой ареной сулила неудобства. А потом вспомнил, что первый по величине столичный театр сгорел неделю назад. Главный зал загорелся прямо посреди спектакля. Рабочие только повесили новый занавес, их торопили, чтобы успеть к началу празднеств. Занавес не успели пропитать составом от возгорания. Конечно, газовый фонарь упал именно в этот раз, и именно на край занавеса.

Театры по всему Кайзерстату стали закрывать на реконструкции и инспекции. Ан дер Мархальф еще не прошел проверок, но им разрешили выступать. Но люди боялись не прошедших сертификацию зданий, и на полный зал можно было не рассчитывать. Штефан тогда носился по городу с охапками бумаг, охрип от бесконечных переговоров и скандалов, дважды сам себе делал уколы снотворного, после того как простоял в очереди почти пятнадцать часов. Стоило начать засыпать, как ему казалось, что он потерял место.

А Томас в это время придумывал, как расположить снаряды для гимнастов, как сделать так, чтобы в местном освещении не блестели лески, испытывал светящиеся составы и требовал у полуживого Штефана нового костюмера.

Новый мастер мороков, чародей Ник Блау, страдал больше всех. Мальчишка так радовался, что смог получить лицензию, хоть и оказался непригодным к армейской службе. Томас быстро доказал, что цирк бывает хуже любой казармы.

И все же главным в его представлениях всегда были именно моменты, обыденные и доведенные до абсурда. Томас рассказывал, что однажды в темном зале увидел девушку в белом платье и черной ленточкой на шее. Ему показалось, что ее голова парит в паре сантиметров от шеи. Кто угодно бы забыл.

Но спустя месяцы Хезер вышла на сцену Ан дер Мархальф в белоснежном сюртуке, таком же, как носили палачи, в белых перчатках и черном воротнике. Обезглавленная женщина, сама Смерть, прирученная смехом, вела представление и позволяла смеяться над собой. Томас был уверен, что это возможно. Что в этом и есть смысл искусства.

Ник Блау был слабым чарореем, и не смог бы заставить даже небольшой зал видеть что-то, недоступное другим. Томас умел использовать все, что есть – Нику достаточно заставить гимнастов видеть снаряды, скрытые от других темнотой и черной краской. Именно «Вереск» первым превратил выступление гимнастов в ничем не скованный полет.

Томас лгал непосредственно, почти по-детски – подсвечивал одно, прятал другое, добавлял совсем немного колдовства. Играл с пространством, светом и пунктирными линиями, заставляя арену становиться на дыбы, а потом течь ртутью прямо к носкам ботинок зрителей в первом ряду.

А когда не было денег и помещений, Томас мог сесть на край полутемной сцены или вовсе площадных подмостков – почти всегда это был городской эшафот – свести запястья и раскрыть ладони. Иногда между ними вырастал цветок. Иногда – птица. Зависело от того, что оставалось в реквизите.

Это был его любимый фокус.

– Ты долго на юбку мою будешь пялиться?

– Я на канарейку... Томаса вспоминал, – признался Штефан. – Как думаешь, он вернется?

– Нет, – покачала головой Хезер. – Не вернется. Я гадала. И без карт... мы же все знаем, что операция его матери не поможет.

– Но ведь это значит, что он сможет вернуться! – упрямо повторил он.

– Ах, Штефан, – Хезер смотрела с укором. Она всегда смотрела с укором, когда разговор заходил о родителях. – Это мне можно быть такой циничной, ты-то куда?

Штефан фыркнул. Хезер была одной из немногих детей в приюте, кого подкинули на порог, но о чьих родителях было известно. Молодая дочь владельца парфюмерной лавки сбежала из дома с Идущими. Через полгода ее вернули, еще через полгода она родила, и, по настоянию отца, оставила ребенка у приюта. Она ходила навещать Хезер в первые четыре года, и, кажется, даже давала ей какое-то имя. Его Хезер так и не смогла вспомнить. Но была уверена, что мать вот-вот заберет ее. Научившись говорить, изводила ее разговорами о том, как им будет чудесно жить вместе.

Однажды мать не пришла в назначенный день. Наставница сообщила, что она повесилась прямо на складе.

«Чего они добивались? Чтобы мы перестали чувствовать? Почему нельзя было соврать?!» – каждый раз возмущалась Хезер.

Как только Штефан собрался предложить загнать птицу в клетку и выйти на палубу отвлечься, сверху раздался скрип открытого люка, и канарейка метнулась к свету.

– Вот дерьмо! – расстроено воскликнула Хезер, бросаясь к лестнице.

И тут же сделала шаг назад. Люк закрылся с таким же скрипом, и трюм снова погрузился в полумрак.

Готфрид стоял на лестнице, одной рукой прижимая к себе что-то завернутое в ткань, а другую протягивая Хезер. Канарейка повисла над его ладонью, медленно опуская крылья, будто увязнув в густом киселе.

– Ваша потеря, фрекен?..

Она только настороженно кивнула.

Штефан усмехнулся и не стал вмешиваться. Хезер любила притворяться, пряча злой крысиный взгляд в тени густо подведенных ресниц.

– Это птичка, герр чародей, – наконец улыбнулась она. – Только птичка. Спасибо вам.

Готфрид придержал канарейку за лапки и отдал Хезер, словно красный, бьющийся цветок. перевел взгляд на Штефана и широко улыбнулся.

– Герр Надоши! Знаете, почему морлиские моряки считаются лучшими на континенте, но при этом смертность на их кораблях такая же, как на других?

– Нет.

– Люди с ними со скукидохнут, – сообщил Готфрид, садясь на соседний мешок и срывая тряпку с большой глиняной бутылки, которую принес с собой.

При мысли о выпивке Штефана замутило еще сильнее.

– Это мой шталмейстер, – представил он Хезер. – Шпехшталмейстер, Хезер Доу, – раздраженно уточнил он. Как и в большинстве языков, по-морлиски «шталмейстером» звался и ведущий представления, и главный конюх.

Хезер неодобрительно хмыкнула и изобразила кривой реверанс. Потом бесцеремонно выдернула пробку из бутылки и принялась. Пахло черной смородиной и мокрой травой.

– Это черное вино? Штефан, это черное вино! Если чиркнешь рядом спичкой – корабль взорвется.

– А вы курите в трюме? – заинтересовался Готфрид. – Знаете, что капитан, герр Рауль, обещал немедленно посадить того, кто будет курить в помещении?

– Герр Рауль меня своим присутствием не почтил, – процедил Штефан. Ему не хотелось пить с чародеем. Ему даже видеть чародея не хотелось, он Хезер-то с трудом терпел.

Готфрида, впрочем, это кажется не волновало. Он достал из кармана пальто складной стакан, придвинул две алюминиевые кружки, в которые трижды в день наливали пассажирам чай.

– Меня зовут Готфрид Рэнди, я бортовой чародей, – запоздало представился он Хезер, наливая густое темное вино, похожее на отработанное машинное масло.

– И как же вы колдуете? – игриво улыбнулась она, забирая кружку.

– Специфически, – в тон ей ответил Готфрид. – Пока никто не жаловался.

– Потому что некому становилось? – скривился Штефан, все же взяв вино. Вместо ответа Готфрид сделал резкий выпад вперед и щелкнул пальцами перед его лицом.

Штефан не сразу понял, что дурнота отступила. Это было совсем не похоже на то, что делал герр Виндлишгрец. И на лучший морок Нора Гелофа – он заставлял поверить, что человек не чувствует похмелья. Готфрид же просто забрал тошноту, растер между пальцами, и она осыпалась золотистыми искрами на его колени.

Обычное чародейское позерство.

– А у вас петелька красивая, – кокетливо прищурилась Хезер, дергая Готфрида за кончик шарфа. – Это правда, что вы такие носите, потому что вашего Бога повесили, когда он жил на земле?

– Правда, что у людей живое воображение. – Казалось, Готфрид нисколько не обиделся. Он закинул ноги на соседний мешок и сделал большой глоток вина. – Подумайте сами, какая глупость – таскать на шее напоминание о том, что люди дурно обошлись с тем, кому молятся? К тому же все знают, что Его отравили.

– Герр Рэнди обещал мне вчера проповедь и хорошее колдовство. Не провоцируй его, Хезер, сначала он будет до ночи полоскать нам про своего Бога, а потом ведь ему колдовать придется, – предрек Штефан. Смотрел, как мутные блики желтой лампы растекаются в черном вине, которое он так и не попробовал, и все сильнее хотел, чтобы чародей ушел.

– Давайте я не буду звать вас герром Надоши, а вы меня, ради всего святого, герром Рэнди, – предложил Готфрид.

Штефан пожал плечами. Он умел нравиться людям и даже любил нравиться. После шести лет в приюте, с общими спальнями, униформой и политикой уравнивания, ему хотелось выделяться из толпы любыми способами.

Но нравиться Готфриду Рэнди почему-то не хотелось. Штефан не испытывал к нему неприязни, он даже не раздражал – в конце концов того, что чародей избавил его от тошноты, и скорее всего помогал лечить, когда Штефана заволокли на корабль, и этого уже было достаточно, чтобы смириться с его существованием. Пожалуй, нравиться Готфриду казалось скучным.

– А мне можно не звать вас герром Рэнди?

А еще с Готфридом кокетничала Хезер. Штефан совершенно не ревновал, этот этап они давно прошли. Скорее, склонялся к тому, чтобы предупредить Готфрида, что у него есть все шансы уподобиться своему Богу.

– Конечно, фрекен Доу... Хезер. Правильно ли я понимаю, что вы получили воспитание в кайзерстатском пансионе?

– В пансион меня не взяли. Я росла в птичьем приюте. Хорошее у вас вино, Готфрид, дорогое. Проповедники много зарабатывают?

– Проповедники – единственные люди, которые запивают дорогим вином сухие хлебные корки. Нам запрещено брать деньги за помощь людям, беру натурой. Вечно тащат бутылки, хоть бы кто догадался принести колбасу.

– А бортовые чародеи тоже грызут корки? – не удержался Штефан.

– Нет. Видите ли, я считаю, что ничего хорошего в корках нет. Представьте, если бы я притащил вам вместо хорошего вина ведро с хлебными корками. Вы бы стали со мной разговаривать?

– Эксцентричные дураки – моя специальность, – Штефан все-таки попробовал вино и прикрыл глаза. Оно растекалось на языке вязкой травяной горечью, а потом раскрывалось долгим, ягодно-медовым акцентом. Раньше он пробовал черное вино только разбавленным, и теперь понимал, какое это было кошунство.

– А правда, что вы своего Бога рисуете? – вмешалась Хезер, привычно стараясь сгладить грубость Штефана.

– У нас есть Его изображения. У всех разные, каждый адепт должен заказать портрет у художника. Описать, каким видит Его.

– Ваши художники хорошо устроились, – Хезер улыбнулась и потерла кончик носа.

– Отменно. Но мы считаем, что все эти рассказы о том, как Он жил среди людей – упрощение. Первая ступенька для тех, кто не в состоянии понять истинной Его сущности.

– И какова же Его сущность?

– Вы хотите без первой ступеньки, Хезер? Знаете о Его темном, женском начале?

– Да, у вас вроде есть злая богиня.

– Нет, – непонятно чему обрадовался Готфрид и снова наполнил кружки. – Нет никакой Богини. И Бога, если уж на то пошло, нет. То есть в том понимании, в котором вы себе сейчас представляете. Ночь и Белый представляют собой два естественных начала, которые есть в любом человеке. Дуализм.

– И почему у вас женское начало злое?

– Оно не злое, это для второй ступеньки, где нужно разделять хорошее и плохое. Ночь в своей... персонификации – Мать. Да, Ночью называется еще и ледяное посмертие для тех, кто много грешил, но никто не говорит, что Мать, наказывающая ребенка, получает от этого удовольствие. Она плачет. Поэтому там всегда идет дождь.

– Вы выбрали не тех слушателей для своих метафор, – вмешался Штефан, заметив, как зло блеснули глаза Хезер. – Мы выросли в приютах. Скажите-ка лучше, а что будет, если вы сейчас хорошенько окосеете, а на нас нападут?

Готфрид усмехнулся и поправил петлю на шее. Штефану жест не понравился – чародей-фаталист, от которого зависит их безопасность, был одним из худших его ночных кошмаров.

– Наколдую себе трезвость, – патетически взмахнул рукой Готфрид. – Скажите, Штефан, вы собираетесь остаться в Лигеплаце?

– Нет, мы отправляемся в Гардарику, там ждет наша трупна... то, что осталось от трупны.

– Что случилось?

Штефану понравилось, что в его словах не было наигранного сочувствия, скорее наоборот – живой, хищный интерес. Поэтому он не стал ничего скрывать. Рассказал о Пине и Вито. О давке у госпиталя и заборе. Неожиданно Штефан увлекся. Он шутил и смеялся над собой – привычно, как научил Томас.

Над собственной смертью, прошедшей совсем рядом, оставившей на память синяки на ребрах и длинные царапины на груди, он смог посмеяться. Над дирижаблем над толпой – нет. Томас, наверное, тоже не смог бы. Нарядить Хезер маленькой смертью, личной, поддающейся осмыслению – это одно. Но когда смерть становилась общей, превращаясь в бойню, власть смеха заканчивалась.

Готфрид слушал, кивал, и в его глазах, хоть и все еще не было сочувствия, почти сразу погас интерес сплетника.

Штефан, который как раз начал косеть, почувствовал прилив благодарности.

– Все чародеи с лицензией выше пятого уровня военнообязанные, как вы знаете, – начал Готфрид.

Штефан кивнул. Когда началась война в Гунхэго, ему пришлось запираить Нора Гелофа в сарае и несколько дней сидеть у входа с ружьем, вяло отмахиваясь от иллюзий, которые он насылал. Лицензия у Нора была шестого уровня, стрелять он не умел, фехтовал плохо, а еще у него была язва желудка, которую он сам себе зачаровывал. Штефан был уверен, что мальчишка умер бы еще по пути на фронт.

– Поэтому мне пришлось воевать в Гунхэго. Формально Морлисс в конфликте не участвовал, но у нас с Альбионом давний договор. Уверен, Альбион уже послал миротворческие отряды для подавления восстания, а Морлисс тогда отправил в Гунхэго сотню чародеев. Я видел, как дирижабли горят над людьми. – Взгляд у него вдруг сделался дурной, горящий ледяным весельем. – Там было ущелье, остатки альбионского гарнизона и огромный вражеский отряд. В воздух подняли три дирижабля, сказали для эвакуации. Я сказал, что это глупость – как они будут забирать людей из узкого ущелья, тем более сражение уже шло? Потом понял, что глупость сказал я. Мы подожгли все три. Я ничего не поджигал, это вообще-то сделал один человек, Вилло Мафф. Но всегда считал и буду считать, что это сделали мы – Морлисская сотня, чародеи страны, где много лишних людей и дирижаблей.

Штефан увидел, как Хезер скорчила жалостливую гримасу и открыла рот. Он почти услышал, как она говорит: «Ох, страх-то какой, Готфрид, нарочно не выдумаешь», или тому подобную чушь, которой она очень любила прикрываться. Но она промолчала, закрыла рот, стряхнула с лица наигранные эмоции, салютовала кружкой и залпом допила вино.

– А скажите-ка честно, Готфрид, давно ли вы стали бортовым чародеем? – пораженный внезапной догадкой спросил Штефан.

– Я долго жил на берегу и путешествовал по Морлиссу. У нашего корабля, чтобы вы знали, не было разрешения покидать порт, – усмехнулся он.

– Вы сбежали, – констатировал Штефан. – И вы теперь государственный преступник, держу пари, вы должны сейчас поджигать какой-нибудь дирижабль.

Готфрид развел руками и разлил остатки вина.

– Готфрид? – подала голос Хезер. – А вам можно показывать портрет?

– Какой портрет?

– Ну вашего Бога. Как вы его видите.

– Конечно. Я всем показываю, кто спросит. Считаю это изображение лучшим, впрочем, так все думают о своих портретах.

Он достал из внутреннего кармана небольшой кожаный футляр и протянул Хезер. Она вытряхнула на руку темную пластинку и несколько секунд ошеломленно ее разглядывала. Потом подняла растерянный взгляд на улыбающегося Готфрида и протянула пластинку Штефану.

На его ладони лежало маленькое, затемненное зеркальце.

Глава 5

О морских змеях и пирожках с яблоками

Штефан спал крепко и не почувствовал, как пароход качнуло, словно о борт ударилась особо злая волна. И когда хрустнуло весло на правом борту, он сказал себе, что сны абсурдны и чего только не случается. Потянул темное беспмятство, как нагретое одеяло – нет. Это плавание мешало его разум с морской водой, а из морской воды никогда ничего хорошего не появлялось.

А потом над палубой завывла пульсирующая, визгливая сирена, и Штефан больше не смог себя обманывать.

– Штефан!

На этот раз Хезер проснулась сама.

– Ну... я же говорил, на кораблях нечего делать, – с трудом улыбнулся он, доставая из сумки бесполезный револьвер. Можно подумать левиафан хотя бы заметит эту пулю.

– Может, это пираты, – обнадеживающе соврала Хезер.

– Когда пираты – сирена другая, – отрезал он.

Штефан не знал, как правильно – оставить Хезер в трюме, закрыть в одной из кают или взять с собой?

Женщине на палубе делать нечего, тем более такой, как Хезер. Ей нечего делать в трюме или каюте – его родители умерли, замурованные искореженной дверью. Он попытался вспомнить, как расположены каюты на пароходе и понять, безопасно ли будет все же закрыть ее, но не смог. Страх не было, и вообще не было никаких чувств, только какое-то звенящее, холодное безвременье. Умирать у госпиталя было не страшно. Тогда он даже не поверил в собственную смерть. Но сейчас она будто уже наступила.

– Идем, – сдался он.

Первым, кого Штефан увидел, когда вышел на палубу, был капитан. Огромный мужчина в черном кителе неподвижно стоял, сложив руки на груди и не говорил ни слова. Матросы, против ожиданий Штефана, не суетились и не метались по палубе, как на «Пересмешнике». Каждый был занят делом – они выносили оружие, разбирали оружие, строились правого борта, тихо переговаривались, указывая на серебристую рябь на волнах, и Штефану казалось, что капитан пугает их гораздо больше.

Готфрид был самым спокойным из этих отвратительно спокойных людей. Он стоял у левого борта и растирал руки черной шерстяной тряпкой. Взгляд его был совершенно безмятежен.

«Нам конец», – обреченно подумал Штефан. У Виндлишгреца перед боем был точно такой же взгляд. И перед смертью тоже, «это – искусство», ну надо же!

Чародеев нанимали на корабли, чтобы сражаться со змеями. И с пиратами, но в первую очередь со змеями. Не чтобы мечтательно смотреть на волны.

Говорить об этом, Штефан, естественно, не стал. Подошел к матросу, раскладывающему на палубе оружие.

– Смотри, кедвешем, у них хорошее чувство юмора, – ядовито заметил он, указывая на парные изогнутые сабли с золоченными эфесами. Матрос казался совершенно невозмутимым.

– Думаю, мальчику велели принести оружие – он и принес какое есть, – благодушно отозвалась Хезер, садясь на корточки. – Смотри, вон тот симпатичный.

Она указывала на гарпун с узким четырехгранным наконечником. Штефан вспомнил, сколько таких остались в чешуе левиафана, напавшего на «Пересмешник», и почувствовал, как застучало в висках.

Страху все еще не было, вместо него пришла злость.

Где-то там, под бронированным днищем корабля – под похолодевшей кожей, – разворачивал тугие серебристые кольца левиафан. Может, он не нападет, и Штефану не придется заглядывать в его ртутно переливающиеся глаза.

Он поднял гарпун и встал к трубе, закрыв собой Хезер. Подальше от бортов. И от змея, где бы он ни вынырнул.

Над волнами виднелся рисующий причудливые узоры серый гребень.

– Вам это не понадобится, Штефан, – раздался спокойный голос чародея.

– Вы так в себе уверены, – огрызнулся он, не оборачиваясь. – Почему же корабли вообще тонут, если чародеи все могут?

– Очевидно же, они тонут, потому что на них нет меня.

Корабль тряхнуло от удара по днищу. Не сильного, скорее всего левиафан просто задел хвостом, но Штефан упал на колени, выставив свободную руку. Вставая, он обернулся всего на мгновение, чтобы посмотреть, как там Хезер, и за спиной раздался шорох расходящихся волн.

Левиафан явно был сыт и, скорее всего, немолод. Обычно они атаковали сразу, не разглядывая корабль.

– Не стреляйте, – пронесся над палубой бесстрастный голос Готфрида. – И всем молчать.

Штефану очень хотелось высказать все, что он думает о том, чем занималась с левиафаном матушка чародея, а потом воткнуть в Готфрида гарпун.

Но он не мог, потому что левиафан замер, нависнув над палубой, и чешуя на его треугольной тупоносой морде приподнималась и ложилась в такт волнам.

Штефан почувствовал, как Хезер проводит теплыми пальцами по тыльной стороне его ладони. Он сжал ее руку и сразу отпустил, по-прежнему не отводя взгляда от змея.

Штефан ждал. Герр Виндлишгрец швырял левиафану в морду черные огненные шары. Другой чародей, которого Штефан видел когда-то совсем в далеком детстве, умел призывать светящуюся серебристую сеть, правда не помнил, что чародей с ней делал.

Но из-за спины не доносилось никаких звуков, левиафан все так же неподвижно смотрел на палубу, и его серебрящиеся глаза то и дело подергивались мутной пленкой. И вовсе не было похоже, чтобы он замер от страха – сизый язык из приоткрытой пасти плясал перед его мордой, и Штефан слышал нарастающий угрожающий свист.

«И когда я открываю глаза, и прервано подобие Твое – я должен каяться. – Штефан неожиданно для себя вспомнил старую Колыбельную, которой учила мать. – Ибо нет доли лучше, чем спать и видеть Сны...»

А потом чародей зарычал. Он рычал низко, на одной ноте, а потом топнул ногой, сломав ритм. Потом снова, и Штефан с ужасом понял, что Готфрид поет. Наверное, что-то такое пели его предки, отправляясь в бой на жутких деревянных кораблях. Только пели они скорее перед боем, а не вместо него.

«Но человек слаб и страшится неизведанного. Ты прощаешь мне слабость мою, и страх мой, и даруешь утро, которое я вижу, и день, который я вижу, чтобы ночью я мог не видеть и снова становиться подобным Тебе...»

Штефан наконец оторвал взгляд от по-прежнему неподвижного змея и уставился на Готфрида. Казалось, он получал от происходящего искреннее удовольствие. Он стоял на четвереньках и пел, бил в такт ладонями по палубе, и не сводил глаз с левиафана.

«Нам конец. Вот теперь точно конец, – тоскливо подумал Штефан, обнимая замершую Хезер и прикидывая, успеет ли все-таки проткнуть чародея гарпуном. – Почему этих отыметых во все места чародеев не держат в сумасшедших домах, и меня вместе с ними, как я позволил затащить себя на этот отыметый во все места корабль...»

На мгновение исчезли все границы. Между ледяными мокрыми ладонями и гарпуном, подошвами ботинок и палубой, между сознанием Штефана, Хезер, матросов, капитана, Готф-

рида и замершего змея. Границы попросту смыло вибрирующей песней чародея, перемешало, завертело – и Штефан вдруг почувствовал нечто, совершенно ему незнакомое. Было любопытство – забытое, детское, но скорее то, что заставляет задуматься, что внутри у кошки и как бы узнать это, не спрашивая взрослых. А еще голод – приглушенный, но осязаемый.

Штефан подался вперед и жадно втянул воздух. Пахло гарью, почти невыносимо, и к любопытству и голоду примешалось раздражение. И тут же погасло – скучно. Пахнет теплой водой. Не на что смотреть, не с чем играть и нечего есть.

Скучно. Нечего есть.

Наваждение разбилось так же внезапно, как появилось. Хезер отстранилась и часто, покрысиному приплюсывалась. Подняла на него темные, осоловелые глаза:

– Ты тоже?..

Он кивнул. И только потом заметил, что левиафана рядом с кораблем нет. Будто и не было вовсе, даже ряби на воде не осталось.

Матросы стояли неподвижно. Капитан, казалось, не шелохнулся с тех пор, как Штефан его впервые увидел. Готфрид больше не пел. Он стоял у палубы, растирая руки черной шерстяной тряпкой, и довольно щурил красные глаза, словно пробитые светлым пятном радужки.

Справа раздался шум. Люди ожили, заговорили – словно с поля спугнули стаю ворон.

Штефан разжал мокрую ладонь и гарпун упал на палубу с глухим стуком, тут же потонувшим в общем гомоне.

– Не показывайте, что что-то почувствовали, Штефан, – раздался за спиной голос Готфрида. – Остальные просто ощутили... короткое головокружение. Они думают, я прогнал змея песней.

– Вы – менталист, – прошептал он, не надеясь, что его услышат. – Как вас вообще пустили на корабль?!

– Я же говорил – на этом корабле нет ничего легального.

– Кобт бэ...

Готфрид стоял рядом, бледный, с полосой размазанной крови под носом, красными от полопавшихся сосудов белками и испачканным красными кляксами шарфом. Совсем не казался опасным, но сама мысль о природе его колдовства вызывала панику. Если он смог внушить левиафану, что перед ним нет огромного парохода, полного людей, значит, Готфрид легко может сделать все, что угодно. Заставить всю команду утонуть. Взорвать корабль. Или... Штефану начала отказывать фантазия, но ничего хорошего от такого человека ждать точно не стоило.

Штефан оглянулся в поисках поддержки. Матросы и капитан только что видели, как чародей заставил левиафана мирно уйти под воду. Они не могут не понимать, что это значит. Они должны бояться.

Но люди вокруг были заняты своими делами, словно статисты в представлении. Они сдавали оружие, кто-то ушел с палубы, а мальчишка в огромной куртке с закатанными рукавами угрюмо оттирал фальшборт.

– Я лучше обращаюсь со зверушками, чем с людьми – примирительно произнес Готфрид.

– А что вы внушаете людям на проповедях?

– Я не пользуюсь даром на проповедях.

– Почему?

– Когда вам нравится женщина, вы оглушаете ее и тащите в кровать?

– Так, – между ними вклинилась Хезер и помахала руками над головой. – Готфрид, помоему вам нужно положить на глаза что-нибудь холодное. И знаете, меня совершенно не слушаются канарейки.

...

В Лигеплаце Штефан с большим трудом сдержался, чтобы сойти с корабля, а не позорно сбежать. В этом городе он бывал раньше, но никогда не замечал в нем ничего особенного – обычный маленький город в Кайзерстате. Похожий на игрушечный городок из снежного шара – пока смотришь через стекло гротескно-милый, кажущийся ненастоящим. А стоит уронить шар на пол – видно швы от клея, грубую работу, непрокрашенные участки, не говоря о том, что вокруг разливается дурно пахнущая лужа маслянистой дряни, в которой плавал снег.

Таким Штефану казался весь Кайзерстат. Вполне сносная страна, но очаровываться особо нечем.

Но сейчас.

Сейчас Штефан был готов упасть лицом вниз на подгнившие доски и раскинуть руки, чтобы обнять весь этот чудесный город, где мостовая не качается под ногами, из переулков не выныривают змеи, а люди настолько довольны жизнью, что о революциях знают только из газет и анекдотов.

Ему казались очаровательными девушки-подавальщицы с хитрыми лицами. Они таскали на причал корзины сезонных фруктов и цветов, улыбались всяким осолопевшим от долгого путешествия дуракам, пихали им цветы в карманы и петлицы, и зазывали в свои гостиницы.

Очаровательными казались и другие – в желтых кружевных шарфах. Штефан раньше никогда не задумывался, но теперь вдруг понял, что у кайзерстатских проституток платья были всего на ладонь выше приличной длины. Шарфы заменяли им вульгарные наряды и макияжи, делали их естественной частью городского пейзажа. В Кайзерстате любили слово «гезамткунстверк» – гармония разных видов искусства в одном пространстве. Кайзерстату не пошли бы китчевые девушки с улиц Морлисса – пышные короткие юбки, пустые ржавые клетки турнюров и нелепо раскрашенные лица.

И даже старые доски из темного дерева, которыми был выстелен причал, казались ему восхитительно прекрасными.

– Яблочко, герр? – девушка с огромной корзиной желто-розовых яблок улыбалась ему и протягивала почему-то еловую веточку в поблескивающем искусственном снеге.

Штефан понял, что тоже выглядит осолопевшим от долгого путешествия дураком. Попытался напустить суровый вид, но ничего не получилось.

– Нет, спасибо, – выдал он и обернулся, ища взглядом Хезер.

Она стояла чуть поодаль и беседовала с Готфридом. Клетка с канарейками и сумка стояли у ее ног, а в руках она что-то держала и с восторгом показывала чародею.

– О Спящий, – пробормотал Штефан и подошел ближе.

Конечно, не успела Хезер сойти с корабля, как тут же нашла себе очередную крысу. Штефан почти привык к этим огромным, лишайным чудищам с пятнистыми хвостами, которых она вечно подбирала куда бы они ни пошли, но все равно не мог отделаться от отвращения.

– Это твой новый друг? – спросил он, разглядывая крысу. Крыса в ответ уставилась на него черными поблескивающими глазами и показала длинные желтые зубы.

– Ага, я его с парохода увела. Его тошнило, – убежденно заявила она. – От качки и хлеба.

– Крыс тошнит? – засомневался Штефан. – Тем более от качки?

– Смотри, какой он бледненький.

Он запоздало сообразил, что Хезер просто строит дурочку перед Готфридом и усмехнулся.

– Что же, видимо нам надо прощаться, – начал было Штефан.

– Готфрид согласился быть нашим чародеем, – перебила его Хезер.

– Как это любезно со стороны Готфрида, идем-ка в сторонку, кедвешем. – Он хотел взять ее за руку, встретился в угрюмым крысиным взглядом и просто прихватил ее за воротник, как котенка за шкурку. Если Хезер вздумалось строить из себя миленькую идиотку – пусть играет до конца.

– Штефан, у нас половины труппы нет. Мы приедем в Гардарику – и что? Они звали «Вереск». Они вообще-то Томаса приглашали, а мы им что будем показывать? Ник давно порывается уйти и просит расчет, да и без Томаса он со своими иллюзиями просто пустое место!

– Может я буду делать свою работу, а ты – свою? У нас есть отработанная программа, нам в любом случае поздно что-то менять. Ты хочешь потащить с собой государственного преступника? Фанатика? Потому что он умеет разговаривать со зверушками?

– Он не только со зверушками умеет, – насупилась Хезер, пересаживая неожиданно покладистую крысу в поясную сумку. – Мы же так и не купили экраны.

– Тот, разбитый можно починить...

– «Тот, разбитый» в Морлиссе остался, хочешь за ним вернуться? Штефан, Готфрид нормальный мужик. Ему незачем высовываться, ему нужно оказаться как можно дальше от Морлисса, а еще ему пригодятся бумаги и пристойное занятие.

– С каких пор в цирке выступать пристойно? А если он проповеди начнет читать посреди представления?

– Ну тогда мы посчитаем, что это было неудачное представление. Ты где сейчас найдешь сильного иллюзиониста, который согласится показывать фокусы?!

– Хезер, не бывает таких совпадений, ты сама знаешь. Там же обязательно будет какая-нибудь гниль, которая нам потом боком выйдет. Шли его подальше, или я пошлю. И пойдем искать гостиницу.

– Нам нужен чародей. Ты всегда сначала ворчишь, а потом думаешь. Вот ты поворчал, теперь подумай – что будем в Гардарике делать?

И Штефан подумал. Подумал о том, что Гардарику – не Альбион, где можно отделаться минимумом декораций и одним харизматичным артистом. В Гардарике любят пышные представления, яркие. Даже слишком пышные – вспомнить хотя бы казус, который произошел когда лучший столичный театр Флер не смог разместить весь оркестр и балетную труппу из Гардарики на самой большой сцене.

– Мы можем не давать представление...

– А аванс из чего будем возвращать?

Штефан только скрипнул зубами. Можно было вернуть потраченный аванс. Если продать разбитые экраны, реквизит, фургон и экипаж. Все, что пришлось бросить в распроклятом Морлиссе с его паршивыми революциями.

– Мы дадим обещанные представления и избавимся от него в тот же день. Нам не нужны его проблемы, согласна?

Хезер кивнула и кончиками пальцев погладила сумку с крысой.

– И если у него есть больная сестричка – учти, я за ними не побегу.

...

Гостиницу они нашли только к вечеру. Оказалось, в городе устраивалась большая ярмарка, и все номера были заказаны заранее. Можно было вернуться и взять яблочко у подавальщицы, но Штефан точно знал, что она поведет в ближайшую к порту гостиницу, где они оставят половину сбережений за три кровати в общем номере.

Они пообедали в паршивой забегаловке в подвале недалеко от порта, оставили вещи в портовом хранилище и весь день кружили по городу, почти не разговаривая друг с другом. Готфрид, казалось, был несколько смущен тем, что ему приходится таскаться за двумя незнакомыми людьми, словно подростку, вывезенному в город, Хезер изредка пыталась начать разговор, указывая на необычную вывеску или особо затейливую решетку на окнах, но слова так и оставались подвешенными в воздухе.

Ближе к центру вовсю готовились к ярмарке – ставили подмости, разворачивали стенды, расставляли оборудование.

Штефан смотрел на приготовления профессионально-циничным взглядом. Видел, что подмостки расположены неудачно, но их хотя бы устроили не на эшафоте. Слышал, как ругаются торговцы и рабочие. Что-то не завезли, что-то неправильно поставили, кто-то прожег дыру и как прикажете продавать из прожженной палатки?

Город полнился красками и звуками, радостным предвкушением, запахами и электрически искрящими ожиданиями. Штефан чувствовал это в воздухе, но замечал только прожженные палатки, кривые каркасы и неудачно расположенную низкую сцену. Если бы он попытался вспомнить, когда потерял способность ждать хорошего вместе со всеми, наверное, не смог бы. Уже в шестнадцать, заметив Хезер с ее персиком на набережной, он безошибочно почувствовал в ней родственную душу – не сломанную, но вымотанную, чувствующую в воздухе чужую радость и разучившуюся примерять ее на себя.

Впрочем, Штефан совершенно об этом не жалел. Так было проще, так было удобнее. Такое отношение позволило им выжить, сделало их полезными мечтателю-Томасу, единственному человеку, кроме Хезер, которому Штефан был искренне благодарен и предан.

Хорошо бы еще это отношение помогло им найти проклятую гостиницу.

Гостиницу нашли на самом краю города, ближе к рабочему кварталу. Это был небольшой домик с плоской крышей, на которой, судя по перилам, летом устраивали обеденную зону. Окна были большими, даже слишком большими, и Штефана это не радовало – топили там паршиво, и в комнатах было холодно. За лишние одеяла нужно было доплачивать. Штефан хотел поторговаться, но не смог.

К тому времени он чувствовал себя настолько вымотанным, что отказался от ужина, да и хозяйка особо не настаивала – ей явно было лень открывать ради поздних посетителей кухню. Хезер и Готфрид от еды тоже отказались, но потребовали чая с ромом. Хезер заставила с ними выпить, и Штефан после двух кружек еле дотащился до комнаты, оставив спутников допивать. Наощупь, не включая свет, открыл окно и замер. Сон отступил, и Штефан с сожалением подумал, что с возрастом это происходит все чаще.

Пахло карамелью и машинным маслом. Нехорошо, тревожно и почему-то тоскливо.

Штефан помнил, как Томас экспериментировал с запахами. Перед выступлениями разливал под сидениями эссенцию, которую заказывал парфюмеру во Флер.

Томас рассказывал, что раньше у цирков был особый запах. В выступлениях использовали крупных животных, на входе продавали дешевые лакричные конфеты, каленые орехи, яблоки в карамели, а главное – жарили в огромном чане кипящего масла все подряд. Опускали туда яблочные и картофельные пирожки, нанизанные на шпажки куски ветчины, курицы или твердого сыра, которые макали в огромный таз с клеем, стоящий прямо на земле, а иногда просто мелко резанную картошку в проволочных лотках. Рядом обычно стоял другой чан. В нем кипела смесь расплавленного сыра, специй и белого вина. Туда опускали полоски теста, то, что недавно пожарили во фритюре, а за пару монет можно было налить смесь в бумажный стаканчик.

Все это пахло – землей, звериной шерстью, канифолью, маслом и сыром, лакрицей и жженным сахаром. Сейчас цирк стал совсем другим – в новый век никого уже не удивишь слонем или тигром, а значит, незачем их заводить. Теперь упражнялись в эффектном использовании магии, в оригинальном использовании транслирующих экранов и, конечно, постановке номеров.

Есть во время представления стало немодным, по крайней мере что-то горячее и способное испачкать жиром костюм. И уж точно никто не хотел бы видеть перед шатром чан с кипящим маслом – новый век был веком паранойи. Люди боялись болезней, войн, других людей и, конечно, пожаров. Газовых фонарей, падающих на занавесы, новых электрических ламп, которые, говорят, взрывались и горели особым огнем, который не погасить водой. Чанов с маслом и жаровен под ними. Упадет, шатер займется, будет «как тогда». Даже если никакого «тогда» не

было, люди с удовольствием выдумывали его или вспоминали похожий случай, пытаясь упорядочить свои страхи, сделать их понятнее.

Но Томас все же лучше понимал, чего хотят люди. Штефан умел считать, а Томас – чувствовать настроение. Во Флер он долго ходил по парфюмерным лавкам, с баснословной для их антрепризы суммой и несвязной просьбой «сделать запах как в старых цирках». И наконец нашелся человек, который понял, чего хочет этот сумасшедший рыжий мужчина с эгбертским акцентом.

Штефан, который умел считать, говорил Томасу, что тот дурак, собирается потратить деньги на совершенную чушь, и не лучше ли обновить костюмы, а если ему так приспичило, можно жарить пирожки за аренной прямо во время выступления. Или давать людям на входе понюхать мокрого кота. Томас только отмахивался.

А потом Штефан считал прибыли и не мог отделаться от назойливого чувства зависти. Конечно, цифры вовсе не были астрономическими. Эссенция, которая пахла землей, горячим маслом и медвежьей шерстью, не могла решить всех их проблем. Более того, с первого же представления нашлись люди, неожиданно посчитавшие выступление вульгарным и плебейским. Один критик даже опубликовал статью о посещении их цирка. Больше всего Штефану запомнились слова «дурновкусие», «китч», «поразительное убожество». Но на следующие представления пришло больше людей, а Штефан начал узнавать знакомые лица.

Респектабельные мужчины в душных шерстяных тройках и молодые женщины со строгими лицами приводили детей и сохраняли ледяное спокойствие, пока не гас свет. Штефан ходил между рядами с лотком напитков и сувениров, всматриваясь в лица. Ему не глядя совали мятые купюры и монеты, брали из его рук все, что он давал, замороженные происходящим. Люди смеялись, замирали, открыв рты – обведенные красной помадой женские губы, образующие аккуратные «о», скрытые бородами и усами мужские. Штефан знал, что люди часто стесняются пережитых эмоций, стараются не возвращаться туда, где показали свое настоящее лицо. Но их зрители приходили снова.

«Атмосфера, Штефан, – устало объяснял Томас. – Людей теперь трудно удивить, трудно докричаться до ребенка, который визжал от восторга на старых представлениях. Ты не сделаешь ничего, что вызовет такие же эмоции у взрослого. Но дай зрителям почувствовать, что «сейчас» может быть «как раньше». Ты даже не обманешь, просто напомним, как было здорово ни о чем не думать, есть жирные липкие яблочные пирожки и верить в чудеса. Они придут поверить в них снова, и приведут детей, чтобы поверили».

«Разве мы не для детей работаем?» – спросил тогда еще молодой и наивный Штефан.

«Разве нам платят дети?»

Взрослый и циничный Штефан, снова ввавшийся в хмельную сентиментальность, со вздохом закрыл окно, разделся и лег в кровать. Он уснул, не успев согреть прохладную ткань наволочки.

Проснулся от того, что Хезер легла рядом, вытащив из-под его головы вторую подушку. Обдавала горячим запахом хмеля и корицы, уткнулась ему под ключицу теплым острым плечом и затихла.

Штефан уснул снова и во сне видел, как разворачивается черная спираль города Соллоухайм. От окраин к центру, к крылатому ратгаузу с медными лисом на шпиле. Разворачивается, превращаясь в черного змея с нелепо-кремовой треугольной головой и красными глазами. А потом медленно опускается в ледяное море, оставив только раненую землю под вывороченными фундаментами и черные хлопья, кружащиеся над ней.

Глава 6

О позерствующим и позирующим

Проснулся Штефан от ритмичного визгливого скрипа, раздающегося из угла. Почти минуту выпутывался из теплого одеяла, пытаясь сообразить, когда в Кайзерстате их стали шить пятиметровыми. Одеяло никак не кончалось, а еще оно будто забилося под веки и в горло. Между тем скрип не прекращался и раздражал все сильнее.

– Какого хрена?!

Пол был холодным и шершавым. Штефан, шурясь и ругаясь, распахнул ставни и зашипел, прикрыв ладонью глаза.

Лигеплац уже проснулся – оделся в яркий, отфильтрованный сияющим лазурным небом свет, загалдел, завыл парходными и заводскими трубами.

Штефан криво улыбнулся загаженной голубыми крыше соседнего дома, почти целиком закрывающей обзор и обернулся.

Крыса сидела в деревянном ящике и сосредоточенно грызла его угол. Дыра была достаточно большой, чтобы крыса могла выбраться, купить на ярмарке двухместную крысиную кровать и затащить ее в ящик, не ставя на ребро.

Он никак не мог понять, что Хезер находит в этих тварях.

Разумеется, ни открытое окно, ни какая-то там крыса Хезер не разбудили. Она спала, прижавшись к стене. Одну руку она, кажется, просунула в щель между стеной и матрасом, а другую запрокинула за голову. Казалось, что она обнимает стену.

– Вечно ты обнимаешься со всякой дрянью. Посмотри на эти обои, Хезер, ну как ты можешь, – вяло пошутил Штефан, пристегивая подтяжки.

Готфрид уже сидел внизу, заняв столик у окна. Хозяйка – дородная женщина с ужасающего размера бюстом – расставляла перед ним тарелки, и ее недовольное пыхтение Штефан слышал с лестницы. Вид у чародея был такой же, как перед левиафаном – глаза полны покоя, на тонких губах блуждает полуулыбка. Казалось, еще чуть-чуть – и он запоем.

– Доброе утро, – сказал Штефан, больше желая нарушить эту сюрреалистичную картину, чем проявить вежливость.

Готфрид улыбнулся ему как только что обретенному брату.

– Штефан! Я заказал нам завтрак, а где ваша прекрасная подруга?

– Дрыхнет, – пожал плечам он, усаживаясь за тот же столик, и спросил уже на морлиском: – Что творится?

– Ее раздражает мой шарф, – голос у Готфрида был почти виноватым. – Думает, я сейчас начну убеждать ее отринуть веру, и Спящий проснется.

– Это вы мысли ее прочитали?

– У нее на лице все написано. Я не умею читать мысли, – укоризненно сказал Готфрид, заправляя за воротник ручное полотенце и прикрывая им петлю.

Штефан только пожал плечами.

Яйца жарили на сале – в белоснежной глазунье тут и там попадались темные пятна шкварок. Сало было старое, пересоленное и, судя по привкусу, брюшное. Хлеб подогрели, но внутри он оставался черствым, а зачем им с утра подали перекрученный с солью чеснок Штефан так и не понял. Это был не самый паршивый завтрак в его жизни, но настроения он не улучшил.

Единственное, что оправдывало эту трапезу – чай. По мнению Штефана, в Кайзерстате заваривали лучший чай – смесь местной ферментированной травы, пыли с мешков, в которых возили чай из Гунхэго и кусочков сезонных фруктов. В чайнике, правда, обнаружилась полусваренная спираль яблочной кожуры, но Штефана это несколько не расстроило.

- Видели газеты? – начал Готфрид, кончиками пальцев отодвинув почти полную тарелку.
- Нет, – Штефан подобрал коркой остатки желтка.
- Недавно убили Хагана Хампельмана, владельца борделей с механическими девушками.

А сегодня – Сатердика Шатта, одного из их инженеров.

– Наверное, это очень волнующая новость и интригующая история, – равнодушно бросил Штефан.

Меньше, чем механические женщины его интересовали только их производители. Он ничего не знал и не хотел знать об этой отрасли экономики Кайзерстата. Знал только, что здесь умеют делать механических людей, неотличимых от настоящих – "пташек" для борделей и "соловьев" для безутешных скорбящих. О копиях умерших он как-то читал пару забавных романов – один сентиментальный, взятый у Пины, а второй – ужасы про сошедшего с ума механического мальчика. Этим его знания ограничивались.

– Мне всегда казалась странной эта... практика. Вы были в борделях «Механических Пташек»?

– Знаете, Готфрид, если мне когда-нибудь нестерпимо захочется присунуть механизму я, пожалуй, пристроюсь за выхлопной трубой экипажа.

Готфрид зевнул и сменил тему:

– Итак, вы собираетесь в Гардарику.

– Угу.

– Расскажите о вашем представлении. Какого рода у вас номера?

– Вообще-то наш прошлый шталмейстер был фокусником. Он ставил большинство номеров, у нас... перформативное представление, – ввернул он модное слово. – Пять лет назад мы заполучили Инмара и Несс Вольфериц, – Штефан сделал паузу, чтобы посмотреть на реакцию собеседника, но для Готфрида имена явно ничего не значили. – Есть такой город, Рингбург, столица некого Кайзерстата, и там есть охрененно большой театр, а в нем – охрененно известные комедийные актеры.

– Вот как. И что же они делают в вашем представлении? Устраивают буффонаду? Колотят друг друга по голове бутафорскими молотками?

– Когда вы в последний раз были в цирке, Готфрид? – ласково спросил Штефан, с трудом справившись с желанием сломать чародею нос.

Он поводил в воздухе рукой, и взгляд у него стал совсем отсутствующим.

– Что вы собираетесь делать в Гардарики? Вы заставили Хезер согласиться взять вас в труппу, верно?

Штефан не хотел себе признаваться, но Готфрид его пугал. Он прятал от себя этот страх, так же, как страх перед змеями и морем. Мог контролировать, мог осознавать, но никак не мог перестать чувствовать. Рядом с Готфридом он чувствовал особую уязвимость – этот человек мог заставить его сделать все, что угодно. От его влияния не защититься и не отмахнуться, как от иллюзий Нора Гелофа.

К тому же ему все меньше нравилась идея брать его в труппу. Готфрид будто и не прятался – носил выделяющую его из толпы петлю, не прятал лицо и не скрывал морлисского акцента. С другой стороны – брезгливо отодвигал тарелки и позволял себе шуточки о будущей работе. У него была дорогая одежда, хорошее оружие и явная привычка к комфорту, но он покорно глотал приторный лигеплацкий чай и собирался ехать выступать с разоряющимся цирком.

Сейчас в Морлиссе заняты восстанием, но что будет, когда власть его подавит – а в этом Штефан не сомневался – и займется преступниками и дезертирами?

Ему не хотелось проверять.

– Давайте проясним, Штефан, – в голосе Готфрида звучала обреченная усталость. – Колдовство не берется... из ничего. Мы все платим. После каждого серьезного... внушения мне

желательно сутки даже искры пальцами не высекать, кстати, я надеюсь, вы знаете, как выглядит человек, у которого случился инсульт и что в этой ситуации делать. Во-вторых – это попросту больно. И я не стану никому ничего внушать просто так. И, наконец, я помимо силы обременен еще понятиями об этике.

– У вас странные понятия...

– Вы выглядите довольно сильным человеком. Вы много конфликтов решаете силой?

Штефан решал силой очень много конфликтов, но говорить об этом Готфриду не стал. Вместо этого он еще раз перебрал его последние слова и нашел те, что вызывали опасения.

– Я знаю, почему чародеям больно колдовать. – Штефан заметил мелькнувшее в его глазах удивление и усмехнулся: – Я антрепренер. Разбираюсь... в людях. И чародеях. Вам ставят блоки, вы проходите регистрацию и должны регулярно ходить на осмотры, чтобы блоки не мешали. Если вам больно колдовать, значит, кто-то ваши блоки ослабил, но не снял, а отмечаться вы не ходите. К тому же я вчера ничего не сказал, но рассказывайте про горящие дирижабли кому-нибудь другому. Никогда не поверю, что чародей на войне пришел в ужас от вида боя. Даже бойни. Нет, Готфрид, вы не мальчишка-рекрут. Вам насрать было бы на какой-то там дирижабль. А на три дирижабля трижды насрать.

Штефан достал пачку папирос, закурил и откинулся на стуле, чувствуя, как первая затяжка полощет легкие.

Потом поднял взгляд на Готфрида.

Томас так и не получил «общее гражданство». Чаще всего этим правом пользовались артисты и Идущие, и им выдавали такие документы охотнее всего. Они освобождались от воинской службы и ряда гражданских обязанностей, но лишались защиты своей страны, и судили их только по законам страны, где они находились. У Штефана и Хезер давно были такие удостоверения, а Томас хранил верность Эгберту, чьи жители славились рыжими волосами и непреходимым упрямством.

Штефан все это сказал, когда Томас собрался на фронт. Говорил, что запрет его в сарае вместе с Норм Геллофом, а если потребуется – прострелит ему колено, что Томас уже не молод, что ему незачем лезть под пули, и вся эта война – одна большая, жестокая глупость. Томас что-то говорил про долг, про тех, у кого выбора нет, и прочую чушь. Штефан злился, говорил, что проще заставить барана плясать канкан, чем переубедить в чем-то жителя Эгберта.

А потом записался добровольцем, оставив антрепризу Хезер и матери Томаса.

Войну Штефан вспоминать не любил. Густую черную грязь и мертвецов – белых, раздувшихся, тянущих руки из каждой канавы. В Гунхэго бросали мертвых солдат в канавах и колодцах, оставляя врагов без питьевой воды.

Альбионские солдаты оставляли трупы пленных приколотенными к косым крестам на полях, чтобы сторожили ворота взятых городов.

Это почти все, что Штефан помнил о войне. Трупы, грязь, а еще удушающая жара, рвущая легкие на части. И Томас, который смотрел на это с каким-то тупым равнодушием, а по вечерам вместо того, чтобы отдыхать, помогал санитарам в госпитале и даже ассистировал молодому альбионскому хирургу, которого вроде недавно повесили за какие-то убийства. Штефан плевал в грязь и шел спать.

Он хорошо понимал, почему мальчишка начал убивать еще и дома.

– Вы не совсем правы, – тихо начал Готфрид. – Я действительно был на войне. Действительно выполнял там... самые разные приказы. Убивал людей, сам и очень много. Я был немного моложе, намного злее, и действительно не мучился совестью.

– А потом?

Готфрид достал короткую морлисскую трубку с металлической крышечкой. Потряс кисетом, сгоняя в угол остатки табака и начал забивать трубку, сосредоточенно, будто в первый раз.

– А потом дирижабли. Я их действительно не поджигал. Все выглядело логичным – дирижабли было действительно проще сжечь, у одного была утечка, второму надо ремонтировать двигатель, а третий... впрочем, вам это не интересно. Наш командир, Отто Риц, сказал, что пятеро из нас, кто управлял воздушными потоками, должны расположить дирижабли над ущельем, Вилло должен поджечь, а я, как всегда, должен стоять рядом и следить, чтобы все выполняли приказы. Мне ни разу не приходилось применять силу к своим.

Готфрид закурил. Табак у него был странный – пах сырыми осенними листьями. Помолчав, чародей продолжил:

– Вы понимаете, как все выглядело? Хороший же план. Мне, честно сказать, наплевать было даже на альбионских солдат в ущелье.

– Вы думали, что дирижабли пустые, – догадался Штефан. – Что ими управляют чародеи.

Готфрид кивнул. Он молчал, видимо посчитав, что рассказал все, что должен был. Но Штефану так не казалось.

– Кто там был? Кто управлял одним из дирижаблей? Не верю, что вам и на сослуживцев было не наплевать.

– Мой... друг. Вечно рвался геройствовать, пробрался на дирижабль тайно, вперед человека, который должен был его поднять.

– Врете.

– Вру, – улыбнулся чародей и стряхнул пепел прямо на остывшую яичницу. – Так расскажите, кто кроме охрененно известных комедийных актеров у вас в труппе? – снова сменил он тему, и Штефан понял, что больше ничего не добьется. Решение избавиться от чародея с его паршивыми секретами окрепло.

– Сетна Мольеф, факир... – миролюбиво ответил Штефан, про себя не переставая лихорадочно считать. Чтобы раздать долги и выплатить жалование нужно семнадцать представлений, если залы будут заполнены на две трети, как обычно...

Чтобы покрыть убытки от потери фургона, экипажа и срочного отъезда...

Революция в Морлиссе кончится, скорее всего, через...

А кроме выплат жалований надо еще...

Ничего не сходилось. А если избавиться от чародея сейчас и попытаться нанять кого-нибудь в Гардарике?..

– Правда из Сигхи? – безмятежно спросил Готфрид, наверняка не подозревающий, почему собеседник так нервно стучит согнутым пальцем по краешку стола.

– Нет, из Флер, – усмехнулся Штефан, вспомнив бледного черноволосого юношу, перед каждым выступлением затемнявшего гримом все открытые участки кожи и обводившего золотом глаза. – Он еще одна наша гордость. Может с помощью пои нарисовать огненную бабочку...

– И как он выступает в театрах? – заинтересовался Готфрид.

– Никак. В некоторых странах и в шатрах никак, только на улицах. Выпустим пиротехника в зале – нас в большинстве стран лишат лицензии, а в некоторых еще и арестуют.

– Хорошо, и кто же еще у вас есть?

– Метатель ножей, – нехотя признался Штефан. – И его ассистентка.

Эжен Ланг был ровесником Томаса, а Энни Лаффет недавно исполнилось девятнадцать, и их роман был головной болью всего «Вереска». Штефан был уверен, что однажды Эжен все-таки метнет нож аккуратно между глаз Энни. Того же мнения придерживалась вся труппа, включая самих Эжена и Энни. Штефан давно хотел дать им расчет, но теперь не мог себя заставить лишить труппу еще двух артистов.

– Кто-то еще использует метателей ножей?

– У нас красивый номер. Все представление – символическое преодоление смерти, было бы глупо обойтись без метателя ножей, – огрызнулся Штефан.

– Хорошо, кто еще?

– Осветитель, механик, костюмерша...

– Погодите, Штефан, я спрашиваю об артистах. Вы же не хотите сказать, что у вас есть ведущая, помощница, метатель ножей, пара клоунов и мальчик, которому нельзя выступать в помещениях?

– Двое умерли, трое ушли вместе с иллюзионистом, одна... просто ушла. – Штефану не хотелось признавать, что «парой клоунов» в этой ситуации выглядят они с Хезер. – Да, у нас кризис. Можно сказать, неразрешимый.

«И ты его не решишь, нет, хренов ты колдун, ты нас всех похоронишь», – обреченно подумал Штефан. Цифры говорили обратное. Хорошие, гладкие, холодные цифры. Если только революция продлится подольше.

– А нет у вас... ну знаете, карликов? Бородатых женщин, мужчин, поросших шерстью?

– Есть, – мрачно кивнул Штефан. – Механик. Я же объяснил вам, мы не как тот мужик с Континента, который возил с собой толпу уродцев и оперную певицу. У нас... искусство. Было.

– Зачем же вы едете в Гардарику?

– Мы взяли аванс. До вашей проклятой революции, которая оставила нас без фургона, гимнастов и... – Штефан осекся. – А еще в Гардарике много ценителей прекрасного.

– Меценатов, – подсказал Готфрид.

– Да, меценатов. Так чем вы можете быть полезны? Не очень хочется выволакивать из-под арены ваш труп.

– Не волнуйтесь, на иллюзии у меня вполне хватит сил. Правда я не вижу в этом смысла, – признался чародей. – У вас нет труппы. Представление не делается из трех артистов, девочки-шталмейстера и мороков, даже если вы представите механика медведем, дадите ему балалайку и он будет петь «Ой ты быстра реченька».

– Об этом мы подумаем на месте. Главное – добраться до Гардарики, дать выступление по имеющейся программе... исключив некоторые номера. А потом мы подумаем, что делать дальше.

«Мы с Хезер. И труппой», – уточнил про себя Штефан.

– Надо же, день только начался, а ты уже изворчался!

Штефан не заметил, как Хезер спустилась. Она села за стол и кончиком пальца потыкала в край тарелки Готфрида. Укоризненно посмотрела на чародея:

– В цирке, между прочим, готовят еще хуже.

– Я как раз пытался объяснить Готфриду, чем мы собираемся заинтересовать меценатов в Гардарике.

– И чем же? Фройляйн, принесите кофе, еще хлеба и масла. Как нет масла? Ну тогда сыра. Хозяйка куда-то ушла, вместо нее осталась подавальщица – дочь, судя по лицу. И бюсту.

– Мне бы кто объяснил, – фыркнул Штефан. – Но если мы в Гардарике не найдем заказчика – можно будет расходиться.

– А гонорар? Мы ведь взяли только аванс, нам должны будут заплатить за выступления...

Штефан с облегчением вздохнул. Ему было тяжело рассуждать об актерах и символической победе над смертью, зато о деньгах он мог говорить сколько угодно. Он вытащил из нагрудного кармана жилета огрызок карандаша и записную книжку, и вдохновенно начал описывать, почему они обязательно разорятся. Половина расчетов уже была, и он почти с удовольствием дополнял их все новыми деталями. В графе «мороки» он, несколько секунд поколебавшись, обозначил будущий гонорар Готфрида – вдвое больше того, что они платили Нику Блау.

– Вы же не рассчитывали с нами разбогатеть, – криво усмехнулся он.

На самом деле он надеялся, что Готфрид оскорбится и уйдет. Или подумает и вежливо откажется. Или начнет торговаться, и его можно будет послать. Но унижить его, предложив ставку молодого и неопытного чародея, не позволила гордость.

– И посему, господа, лучше нам всем повеситься прямо сейчас – спасибо, фройляйн! – и не длить своих мучений и скорбей, – скривилась Хезер, когда он закончил. Штефан фыркнул и сунул подавальнице чайник, сделав жест «повторить». Хезер говорила что-нибудь такое каждый раз, когда речь заходила о бухгалтерии.

– А еще в честь ярмарки они задерут цены на билеты. И вообще на все, – добавил он.

– Будем ждать, пока подешевеет – больше переплатим за гостиницу и жратву.

– На корабль билет будет гораздо дешевле, особенно если мы со Штефаном согласимся его защищать в случае нападения, – заметил Готфрид.

Штефан метнул на него ненавидящий взгляд.

Он терпеть не мог говорить о своих слабостях. Каждый раз приходилось буквально вырывать из себя признание, и среди многих вещей, за которые он был безмерно благодарен Томасу и Хезер было то, как тактично они обходили острые углы и заставляли других делать так же. Их труппа никогда не путешествовала по воде. Почему? Потому что мать Томаса стара, и у нее ноют кости, у Томаса от корабельной еды приступы меланхолии, Хезер укачивает, канарейкидохнут, и вообще «потому что». Всех устраивал такой расклад, но новички вечно влезали с такими предложениями, и сейчас на Готфрида некому было шикнуть.

– Мы не путешествуем на кораблях, – как можно дружелюбнее ответил Штефан.

– Мне показалось мы познакомились именно на корабле, – Готфрид намеков явно не понимал.

– Да, и меня туда затащили в бессознательном состоянии.

К счастью, Готфрид не стал больше ни о чем спрашивать, но его взгляд Штефану не понравился – заинтересованный, цепкий. Он представил, как чародей делает пометку в воображаемом блокноте.

...

За билетами Штефан пошел один. Хезер захотела в порт, Готфрид сослался на какие-то дела, впрочем, его никто с собой и не звал. Он сунул Штефану несколько купюр, пробормотав что-то вроде «надеюсь, этого хватит», а потом еще что-то про то, что ему нужно обменять морлиские деньги. Штефан хотел объяснить ему, почему это плохая идея, но потом решил промолчать. В конце концов, если бы чародей вообще не вернулся – Штефану было только легче.

Башевую станцию он нашел почти сразу – маленькое здание, опутанное припорошенными утренним снегом рельсами. Вот только ни одного рогатого вагончика он так и не дождался.

Штефан сидел на небольшой лавочке под навесом, курил третью папиросу, и у него мерз кончик сломанного носа. Шерстяную шайкачу, которую он обычно залихватски сдвигал на бок, пришлось натянуть чуть ли не до ушей. Удивительно, когда это Кайзерстат успел стать таким холодным.

В конце концов ждать надоело, и Штефан медленно побрел вдоль рельс к центру.

Окраина рабочего квартала, с его безрадостными серыми домами, кончилась быстро. Лигеплац был городом с картинки, и Штефан, сколько бы ни фыркал, все же поддался его очарованию. Дома были разными, казалось, во всем городе не найти двух одинаковых – они различались цветом, ставнями, формой крыш и окон, затейливыми украшениями, трубами и флюгерами. Какие-то дома были неправдоподобно-белыми, словно обсыпанными сахарной пудрой. Другие, из простого красного кирпича, приветливо мерцали окнами из желтого дымчатого стекла. А в одном доме, совсем обычном, даже без странного крыльца, все окна были круглыми.

Штефан знал, что Кайзерстат претендует на звание культурного центра, соревнуясь с Флер. Это было удивительно, потому что более занудных и консервативных людей, чем в столице, в Рингбурге, Штефан не встречал даже на Альбионе. И все же в Кайзерстат съезжались

как люди искусства, так и ремесленники. Казалось, каждый дом проектировал другой архитектор, и каждую решетку ковали в другой мастерской.

Лигеплац, при всей своей пестроты, сохранял уютную гармоничность. Словно одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков.

А еще местные жители питали какую-то нездоровую любовь к цветам. Они стояли на каждом подоконнике, на улицах повсюду были разбиты клумбы – сейчас припорошенные снегом – а некоторые вешали на двери искусственные венки, почему-то не похожие на кладбищенские.

– Купите кофе, герр, – раздался рядом мрачный голос.

Штефан отвернулся от очередного затейливого позолоченного венка, висевшего на зеленой двери, и встретился взглядом с угрюмой женщиной в черном платье. На ее рукаве серебрилась вышивка – солнце в волнистых лучах.

Женщина стояла у обочины, рядом с расписной тележкой, на которой был установлен огромный термос. Судя по надписи, она торговала местными фруктовыми пирожками, и Штефан удивился, что не почувствовал запах. Потом вспомнил про ему совсем недавно сломали нос, и удивительно, что он вообще чувствует запахи. Век механических людей и чародеев, а какой-то сломанный нос до сих пор не зажил!

– Далеко ли пешком до центра, фрау? – спросил он, протягивая женщине монетку. Кофе ему не хотелось, но на улице было зябко. – Добавьте перец.

– Часа два, – безжалостно сказала она, выливая на дно стакана густой перечный концентрат. – Вы из Хаайргат? Там любят такую дрянь.

Штефан ненавидел, когда кто-то заглядывал в его тарелку, осуждал его привычки и напоминал, откуда он родом. Кофе окончательно расхотелось.

– Будет он дрянью или нет зависит от того, кто его готовит, фрау, – сказал он. Криво улыбнулся, поставил нетронутый стаканчик на край тележки и развернулся, чтобы уйти.

– Расплатился моими же деньгами и рад, – прошипела она ему в спину. – Можно подумать, в вашей паршивой стране есть свои!

Штефан хотел обернуться и ответить грубостью. Потом ему захотелось снять шапку и спрятать в карман. Он не сделал ни того, ни другого, только поднял выше воротник пальто и пошел дальше. Дома и венки он больше не разглядывал.

...

Штефан понял, что произошло непоправимое, когда наконец-то увидел баш. Он походил к станции, звеня замершими колесами по рельсам. Красный вагончик, сияющий свежей краской, с чисто вымытыми стеклами можно было фотографировать для рекламы общественного транспорта.

Штефан замерз, у него ныли ребра и болел нос.

Штефан решил, что нужно будет поблагодарить Готфрида, который явно помогал лечить перелом.

А еще подумал, что гулять полезно.

Лигеплац очень красивый город, а Хезер нужно купить на ярмарке платок.

Штефан стоял на станции и думал о какой-то чепухе, пытаясь отогнать очевидную мысль. И только когда баш отошел, и он не смог подавить облегченный вздох, мысль проскользнула через успокаивающую чушь и впиалась в сознание.

Он не смог заставить себя зайти в баш, полный людей. Когда двери закрылись, Штефан почувствовал легкую тошноту от облегчения и стыда.

Не удержавшись, он опустился на скамейку и спрятал лицо в ладонях. Шерстяная темнота вязаных перчаток, закрывшая мир, была спокойной и уютной, но он заставил себя опустить руки и устоялся на рельсы.

На время ярмарок закрывались все магазины и кассы. Работали только аптеки. Билеты он сможет купить только на ярмарке – кассы обычно ставили недалеко от входа, и все же там будут люди. Очень много людей.

В порту тоже было многолюдно, но тогда он слишком радовался ощущению земли под ногами. А еще тогда они уходили от толпы.

– Нельзя, – пробормотал Штефан, вытирая нос. С удивлением посмотрел на перчатку.

Стянул ее, еще раз притронулся к носу кончиками пальцев – действительно, опять потекла кровь. Выругавшись, он достал из кармана платок, завернул в него комок рыхлого снега и прижал к переносице. Хорошо, что Хезер не пошла с ним. Хотя ее он бы потерял, а вот Готфриду делать рядом точно было нечего.

Штефан перевернул платок чистым углом. Отчаянно хотелось напиться. От усталости, ощущения беспомощности, одолевающих страхов. Пожалуй, вместе с платком он купит Хезер бутылку абрикосового шнапса. А себе пылинки, к которой вообще-то был равнодушен, но после слов женщины с солнцем на рукаве был просто обязан купить именно ее.

– Если подумать, – пробормотал он, разглядывая испачканную перчатку, – что может быть более жалким, чем циркач-социофоб?

К счастью станция была пуста – все уехали, добавив к толпе на ярмарке столько людей, сколько поместилось в баш. На другой стороне улицы то и дело мелькали прохожие, не обращавшие на него внимания, да мальчик в шерстяном костюме бросал в стену мяч.

Штефан опустил глаза.

Встречу с левиафаном он представлял с того самого дня, как затонул «Пересмешник». Начал представлять, глядя с дирижабля, как волны слизывают кровь с палубы, и с тех пор делал это почти каждый день. Хоть на секунду, но мысль мелькала, иногда в самые неожиданные моменты – когда дежурил на кухне, мыл полы в общей спальне, копался в огороде и даже когда впервые поцеловал девушку. Настойчивая, раздражающая мысль, словно кто-то ходил за ним и иногда бросал в затылок мелкие камушки – а что будет, когда в следующий раз?..

И когда следующий раз настал, он думал о Хезер. И что надо обязательно воткнуть в Готфрида гарпун. Да, он боялся, но совсем не так, как представлял все эти годы.

И когда почти через полчаса к станции подошел следующий баш, Штефан вошел и позволил дверям закрыться.

...

Первую палатку с алкоголем Штефан заметил у самой станции. Мир мгновенно сузился до желто-красного пятна и дружелюбно поблескивающего стеклом прилавка. Штефан несколько секунд постоял, пытаясь держать спину прямо и спрятать глубже в карманы дрожащие руки. Сердце бешено колотилось, ладони пришлось незаметно вытереть о пальто, но все же поездка оказалась менее ужасной, чем он предполагал.

Он предполагал, что сердце у него просто остановится.

Как только Штефан почувствовал себя в состоянии говорить не заикаясь, он подошел к палатке, и с нежностью выдохнул пожилой Идущей за прилавком:

– Шнапса!

Вообще-то он хотел выпить пару рюмок, расслабиться, купить билеты и уйти. Но на ярмарке уже собралась толпа.

Оживленная, галдящая, празднично одетая. От женщин густо пахло средствами для укладки и парфюмом, от палаток – специями, выпечкой, кожей и деревом. Все это чувствовалось ярко, несмотря на залеченный перелом. Раньше Штефана радовала подобная атмосфера – обычно она означала представление, деньги и близкий отдых. Но теперь он не мог думать ни о чем, кроме давки у забора и черного лепестка дирижабля, опускающегося на толпу.

– Еще, – прохрипел он, ставя на прилавок пятую рюмку.

Мужчина, купивший стакан пива, опасливо покосился на Штефана и торопливо отошел.

– Э, золотой, а ты беспокойный, – заметила Идущая.

– Что, правда? – заинтересовался Штефан.

Шнапс пился как вода и не приносил облегчения. Сердце по-прежнему колотилось, и он никак не мог себя заставить пройти дальше и купить проклятые билеты. Можно вернуться и попросить Хезер, но это было бы совсем унижительно.

– Правда, – кивнула женщина и воровато оглянулась – больше покупателей пока не было. – Хочешь, э?

Она быстро показала ему раскрытую ладонь – на смуглой исчерканной черным коже блестел маленький кристалл неправильной формы. Штефан мотнул головой и отвел глаза – он хотел.

Но если он сейчас согласится – билеты точно не купит. И в гостиницу, пожалуй, не вернется.

Вместо этого он попросил большую порцию глинтвейна с бренди, и когда показалась лежащая на дне распухшая звездочка бадьяна, Штефан, наконец, почувствовал силы зайти на ярмарку.

Люди превратились в пятна, голоса слились в монотонный гул, а запах больше не распадался на отдельные ароматы, и Штефана это устраивало.

У кассы стоял вальяжно улыбающийся русоволосый парень в серой шинели, а за его рукав цеплялась насмерть перепуганная девчонка в черных очках и сползающем с лица шарфе. Штефан только вздохнул, услышав, как парень расспрашивает о комфортабельности кают. У него был легкий, едва заметный альбионский акцент и заметно альбионские манеры. Впрочем, Штефана больше интересовала девочка – худенькая, в каких-то жутких обносках и так нарочито закрытым лицом, что ему хотелось сказать парнишке, чтобы он снял с подруги шарф и не позорился такой неумелой конспирацией.

Следующее ее движение он успел заметить только потому, что привык следить за Томасом. Да и движения почти не было, просто часы проходящего мимо мужчины скрылись в кармане ее юбки, прощально блеснув платиновой цепочкой.

Штефан смотрел на девчонку в упор. Когда она подняла на него глаза – за очками было не видно, но он догадался по наклону головы, что она смотрит именно на него, – он укоризненно покачал головой и постучал по своему карману кончиком пальца. Она поспешно отвернулась.

Парень купил билеты и спрятал во внутренний карман. Что-то сказал подруге и подал ей руку. Штефан сделал шаг вперед, почти столкнувшись с девочкой, и склонился над окошечком кассы.

– Три билета на ближайший дирижабль в Кродград... что значит война?!

– Да вы не переживайте, у них просто небольшие разногласия с соседним городом, это называется войной, – ласково, как ребенку, проворковала кассир. – Но аэродром закрыт. Можете взять билеты до Светлого, а оттуда поездом до Кродграда, это всего на три тайра дороже...

В другое время Штефан бы заплатил, тем более за ним собиралась очередь, и его это раздражало. Но сейчас в нем сидели шесть рюмок шнапса, большая порция разбавленного бренди горячего вина и проглоченное оскорбление. Поэтому он просунул в окошко руку и сорвал висящую на уровне глаз кассира памятку.

– Всем пассажирам, отправляющимся в Гардарику, предлагать соседний от места назначения город и дополнительный билет на поезд, – прочитал он выделенный пункт. – Это у вас вместо кренделька к заказу?

– В Гардарике постоянно конфликты, – прошипела женщина, сохраняя дружелюбный оскал. – Наверное, я ошиблась.

Штефан молча забрал билеты и сунул в карман, позволив себе пропустить между пальцев теплую платиновую цепочку часов.

Настроение немного улучшилось. Алкоголь запоздало согрел, люди на ярмарке совсем не походили на мрачных повстанцев с граблями, а еще Штефан выяснил, что если смотреть на детей – паника отступает. На той площади не было ни одного ребенка. Разве что тот мальчишка, которого он с собой потащил, но о нем Штефан думать не хотел.

Он медленно пошел вдоль палаток, скользя равнодушным взглядом по прилавкам. Посмотрел не меньше полусотни платков, прежде чем нашел тот, что точно понравится Хезер – черный, с золотым шитьем и густой шелковистой бахромой. Заметил тяжелые старые серьги и долго за них торговался – скорее инстинктивно, стараясь убить время и заново привыкнуть к людям. Наконец купил их и спрятал в карман к часам. Серьги были серебряные, с черненными узорами, ужасно громоздкие и неподходящие треугольному лицу Хезер. Но она такие любила, не иначе играла кровь Идущих, и Штефан не видел причин их не покупать. Трупы эти десять монет все равно не помогут.

Наконец он нашел прилавок, надолго приковавший его взгляд. Оружие, разложенное на прилавке, поражало разнообразием, скорее даже небрежной разносортностью. Холодное вперемежку с огнестрельным, старое с новым, женские отравленные шпильки и маленькие карманные револьверы художественно обрамляли единственное ружье – неуклюжее, пятизарядное.

За прилавком стоял мужчина с козлиной бородкой, щуплый и угодливый, но с внимательным цепким взглядом. Штефан не сомневался, что он знает каждую вещь в этой куче, и у него нельзя украсть даже шпильку размером с зубочистку. Впрочем, делать этого Штефан и не собирался. Нашел что-то затейливо украшенное, похожее на двухклинковую глефу, и стал озадаченно разглядывать.

– Это что такое, уважаемый? – спросил он, проводя кончиком пальца вдоль тонкого серебряного лезвия.

Холодное оружие использовали на дуэлях и в узких коридорах на дирижаблях и кораблях. Штефан представил, как какой-нибудь надменный альбионский паренек отмахивается этим экспонатом от ошалевшего противника с рапирой, или как он сам пытается замахнуться глефой в коридоре. Решил, что нужно сообщить Инмару Вольферицу идею для нового номера.

– Положите, герр, это не для вас. – Продавец с сомнением оглядел его, а потом неуверенно сказал на родном языке Штефана: – Это для маленький мужчина, любить который... трести членом?..

Штефан улыбнулся. Слово, которое пытался вспомнить продавец, означало «позер», но дословно переводилось именно так, как сказал торговец.

– Странное оружие, – миролюбиво сказал он по-кайзерстатски и положил глефу на прилавок. – Может, кому-то подходит.

– Ай! – Продавец махнул рукой. – Что хочешь? Красиво любишь драться или чтобы толк был?

– В красивой драке тоже есть толк, – усмехнулся он. – Если красиво драться – бабы охотнее дают. Меняешь старое оружие?

Револьвер, который Штефан носил с собой, ему не нравился. Прошлый, удобный и пристрелянный, он потерял и до сих пор не знал, как. Даже думал, что украли. Нынешний был тяжелым и со слишком длинным стволом, по мнению Штефана больше подходившим упомянутым «маленьким мужчинам».

Сначала они долго и с удовольствием выбирали новый. Продавец совал ему в руки несколько штук и отвлекался на других покупателей, а Штефан, жалея, что они не находятся в лавке, где на заднем дворе обычно можно было пострелять, целился в слякоть под ногами и слушал щелчки.

Потом они так же долго торговались. У револьвера Штефана на рукоятке была позолота, и продавец так посмотрел на него, что пришлось объяснять, что он в спешке купил первый попавшийся, а потом не было времени поменять.

– Зато ты этот толкнешь какому-нибудь мальчишке, который будет трясти им перед друзьями. Чтобы член не доставать, смотри, какой длинный, – Штефан перевернул револьвер так, чтобы позолота блеснула на солнце.

– Такому мальчишке я продам то недоразумение, что ты первым смотрел, знаешь, сколько я ее с собой вожу?! Слушай, мужик, а купи лучше глефу? Красивый клинок, будешь им красиво махать, и бабы тебе, красивому, всегда будут давать.

– Бабы мне и так дают, а глефой сам маши сколько влезет.

Через десять минут они уже для собственного удовольствия ругались, мешая хаайргатский с кайзерстатским.

– А это слово что означает? – заинтересовался продавец, когда Штефан многозначительным голосом рассказывал, что думает о лавочнике, пытавшемся продать ему нож для бумаги как стилет.

– Мужика, который сам себя удовлетворяет ртом, – лениво объяснил он, нехотая вспомнив, сколько раз назвал Вито этим словом, пока метался у госпиталя.

– Надо же, а в Морлиссе похоже змею называют, которая кусает себя за хвост.

– Зачем кусает?

– Да кто их в Морлиссе знает, они вечно сами себя за что-нибудь кусают, недавно вон вообще революцию устроили. Хорошее слово. Вот такому дураку свой револьвер бы и продал.

– У нас в Хаайргат это называется «самодостаточная личность», а револьвер я продам тебе.

И в конце концов продал. Вспомнил про часы и приложил к револьверу цепочку, оставив часы себе. В подарок получил коробку патронов, отравленную шпильку для Хезер и «чтоб тебя твоя краля ею во сне пырнула».

Темнеть только начинало, но ярмарка уже зажгла все свои огни – вывески, гирлянды, светильники, уличные фонари и жаровни утопили ее в красно-золотом свете, разбавленном синими и зелеными искрами. Особенно ярко светились подмости. Многие предпочитали покупать только при дневном свете, и как только на город опускались сумерки, торговлю можно было считать законченной. Начиналась развлекательная часть. В толпе замелькали мальчишки с лотками выпечки и огромными термосами за спиной. На подмости вышел невысокий мужчина в расшитом пайетками пиджаке. Обвел толпу мрачным взглядом, а в следующую секунду на его лице зажглась улыбка – такая широкая и белозубая, что казалось, засияла еще одна лампочка.

Штефан проверил револьвер, деньги и билеты, и начал медленно проталкиваться к выходу. Не то алкоголь и пребывание в толпе, не то близость подмостков погасили панику, и теперь Штефан чувствовал себя так же, как раньше ощущал себя среди людей – слегка раздраженным.

На подмости вышли музыканты из Эгберта. Высокий рыжий парень без словесных прелюдий взял первые аккорды скрипичным переливом. Остальные подхватили, а двое – парень и девушка в зеленом манерно подали друг другу руки и закружились в танце, стуча каблуками по самому краю подмостков. Штефан бросил на них быстрый взгляд и подумал, что музыканты-то с ними не едут, и в Гардарике придется нанимать еще и их. Поднял воротник пальто, словно пытаясь удержать эту мысль – нудную, ворчливую и уютную. Ее можно будет думать, пока не выберется на пустую улицу.

А потом пришла другая мысль – слишком нарочито танцоры балансировали на самом краю. Конечно, этот номер мог поставить кто угодно. Но девчонка постоянно находилась на грани падения, а весь танец парня сводился к тому, чтобы ее удерживать. Штефан замер. Белое

кружево ее нижней юбки словно рисовало в темноте свой узор. У мальчика были белоснежные манжеты на зеленой куртке – в Эгберте так не носили. В Эгберте вообще терпеть не могли белые рукава, как и все, что было в моде на Альбионе.

Штефан знал только одного человека, который любил такие шутки. Он молча начал пробираться к небольшому фургончику, стоящему за подмостками.

Когда рядом с фургоном мелькнул синий камзол, Штефан еще позволял себе сомневаться, потому что так не бывает. Такого не может быть. Даже когда узнал серебряное шитье на камзоле – раньше, чем человека, который его носил – продолжал убеждать себя, что ошибся. А потом увидел рыжие кудри над синим воротником, и больше сомневаться не смог.

– Томас! – крикнул он, пытаясь оттолкнуть толстяка в твидовом костюме. – Томас!

Фокусник обернулся. Скользнул растерянным синим взглядом по толпе и развернулся к подмосткам. Штефан наконец смог прорваться к фургону и схватил Томаса за обшлаг. Как тогда, в первый раз, когда собирался отвести к Хезер.

– Какого ты хрена здесь делаешь?! – выдохнул Штефан, пытаясь унять нарастающую злость. – Ты разве не...

Томас поднял руку, останавливая его. Закрыв глаза, уставшие и воспаленные, а потом открыл снова. Во взгляде лучилась радость встречи, а улыбка, в искренности которой невозможно было усомниться распустила узор морщин под тонким слоем грима.

– Штефан, как я рад тебя видеть!

Ему хотелось зажать в кулаке тяжелую монету в два тайра и ударить Томаса в лицо. Потому что он мог простить что угодно – выступление с чужой трупной, когда он так нужен был своей, все долги, которые Томас им оставил, контракт на двадцать представлений в Морлиссе. Но только не эту лживую радушную гримасу.

– Что ты за... – выдохнул он, подавившись всеми следующими словами.

– Мне скоро выходить, – Томас говорил громко, чтобы перекрыть музыку и гул толпы. – Можем поговорить потом?

– Можем вообще не разговаривать, тебе кажется не особо это нужно! – бросил Штефан и тут же прикусил язык. Ему стало стыдно – говорит, как обиженный подросток.

Томас только вздохнул и кивнул на фургон.

За фургоном был натянут тент. На земле лежали сложенные декорации, за бутафорским деревом, нисколько не стесняясь, передевалась миловидная пухлая блондинка, у ног которой лежал грустный дог с львиной гривой из желтой бумаги.

– А она не мерзнет? – неловко спросил Штефан, пытаясь сгладить впечатление от прошлой реплики.

– Не знаю, – слабо улыбнулся Томас. – Я знаком с этими людьми всего неделю и, если честно, почти ни с кем не общался. Только с их шталмейстером и теми ребятами, что сейчас танцуют... Давай сюда, здесь изоляция.

Они зашли в фургон и Томас захлопнул дверь. Внутри действительно было тихо, но темно, пыльно и почти не было места. Томас сел на высокую катушку, пошуршал чем-то в темноте, и в его ладонях зажегся тусклый желтый шар-светильник. Штефан остался стоять.

Он хотел спросить, зачем в фургоне звукоизоляция, потом вспомнил, что такие любят покупать музыканты, а потом решил, что ему это совершенно безразлично.

– Я заметил. Увидел танец и сразу понял, кто ставил, – ответил он, проводя ладонью по лицу. Потом вытер ее о штаны. – Как Тесс?

– Ей не помогут в Кайзерстате, – равнодушно ответил Томас. – Через несколько часов мы отправляемся на аэродром. Полетим на Альбион.

– Думаешь, там врачи лучше?

– Надеюсь. А что ты... вы бежали из Морлисса?..

– Ты знал? – Штефан чувствовал, как слова налипают горечью на корень языка. – Ты общался с повстанцами, они потом якобы от тебя передали письма и ящик, в который нельзя заглядывать. Ты знал, когда начнется восстание?

Томас смотрел на светильник широко раскрытыми глазами, и Штефан не мог ничего прочесть по его лицу.

– Нет, – ответил он. – Клянусь, не знал. Это должно было случиться позже, намного... Но они вызвали из Флер Дайка Варнау. Думаю, это Бен его убил. А потом начал... все это.

– Пина умерла, – выплюнул Штефан. А потом почему-то начал оправдываться: – И Вито. Она так и не поправилась, а он торчал у госпиталя, и когда началось я... я пытался туда добраться, найти его, но...

– Когда была... давка у госпиталя... ты был там? – глухо спросил Томас.

– Откуда ты знаешь про давку? Я думал, лигеплацкие газеты трезвонят об убийстве владельца борделей с механическими девочками.

Томас покачал головой и отвернулся. Штефан молчал, наматывая на ладонь подобранный с пола золотистый шнурок.

– Так ты был там? Ты пошел за Вито, да?

– Да, – не стал отпираться Штефан. – Да, я был там. У госпиталя, не у ратгауза. Поэтому я жив.

– Прости, – глухо ответил Томас. – Я не знал. Я все не проверил... клянусь, я устраивал вам этот контракт просто потому что это двадцать выступлений, а вам нужны были деньги...

– Не за тем, чтобы мы переправили тот ящик и письма?

Томас покачал головой. Он выглядел усталым, виноватым. И постаревшим. Штефан растер ладонями лицо, словно пытаясь втереть в кожу всю злость, что у него была. Только бы держать ее при себе.

– Томас? Я тут с Хезер и новым чародеем... у нас новый чародей, сильный, бывший боевой менталист... его зовут Готфрид Рэнди...

Штефан плохо помнил родителей. То время словно стерло, утопило в окровавленной воде. Помнил, что любил их, помнил, какая шляпка была на матери перед смертью и еще какие-то глупости, ничего не говорившие о его семье. Хорошо помнил приют и что было потом. С Томасом они встретились, когда Штефан был почти взрослым. Сейчас у самого Штефана в бороде мелькала седина, но с Томасом он все равно чувствовал себя подростком. Иногда он думал, должно ли ему быть стыдно за то, что любит Томаса сильнее, чем почти забытого отца, но не мог ответить себе на этот вопрос.

И сейчас вся злость куда-то делась. Он не заметил, как начал оправдываться, что не убе-рег Пину и Вито, а потом собрался звать Томаса обратно. Потому что без него осиротевшая труппа не жила. Потому что без него вновь осиротевшему Штефану было плохо.

– Я не могу, вернуться, Штефан, – прошептал Томас. – Я очень хотел бы. Но не могу. Пока я помогал повстанцам, проблемы начались у труппы, а пока я метался между повстанцами и труппой, заболела мать. Нет, теперь я буду делать что-то одно. И до конца, каким бы он ни оказался.

Штефану хотелось сказать что-нибудь правильное и хорошее. Вспомнить подходящие чувства, а к ним подобрать подходящие слова. Но Томас говорил о бессилии перед надвигающейся смертью. Он старел, его мать больше не могла встать с кресла. Он возил ее по клиникам, пытаясь заставить врачей биться с неизбежным, а мать Штефана погибла молодой.

Но глядя на осунувшееся лицо и рыжие волосы, тусклые в полумраке, Штефан понял, о каких чувствах говорит Томас.

– Я не знаю, умерли ли Пина и Вито, – тихо начал Штефан. – Я не видел их мертвыми. У нас есть приглашение в Гардарику, мы летим туда, в Кродград. Я нанял сильного чародея, я найду еще артистов, а Хезер такая умница, она... не просто ведет представление, она понимает,

как ты его ставил... У нас все будет хорошо. Все, что мы делаем – это твое, и будет твоим, чтобы ни случилось...

Штефан хорошо врал, но когда нужно было говорить правду часто становился косноязычным. Когда он впервые пытался объясниться в нежных чувствах Хезер – она очень удивилась. Сказала, что ждала от него большего красноречия, а он, перенервничав, начал ворчать, что если она хочет красноречия, то он может попробовать продать ей сервис.

И сейчас слова снова отказывались служить ему. Они с Томасом уже прощались, но тогда Штефан не чувствовал необратимости этого прощания. Ему все казалось, что скоро все будет как раньше. Но теперь он чувствовал, что как раньше уже ничего не будет. «Вереск» менял состав, мать Томаса умирала, Томас смотрел больными глазами и серебряное шитье его камзола больше не сияло.

– Поехали с нами, – выпалил Штефан, хватая его за обшлага и тут же поспешно отдергивая руки. – В Гардарике отличные врачи, а в Кродграде лучшие врачи Гардарики!

Томас молчал. Штефан видел, что он думает – отчаяние растворилось, кажется, он даже улыбнулся. Погладил светильник, бросив на стены ласковую тень.

– Нет, Штефан, – наконец ответил он. – Я... мы уже купили билеты на Альбион. Сворачивать плохая примета.

Штефан фыркнул. Даже жители какой-нибудь дремучей деревни, которые не знали о газовых фонарях, пожалуй, оказались бы менее суеверными, чем артисты. Он забыл, что Томас не только артист, Томас – артист из Эгберта.

– Ничего не случится, – все же попытался он. – Все будет в порядке.

– В Гардарике холодно, мама плохо переносит... и потом... Штефан, я должен лететь на Альбион, понимаешь?

– Кому должен? Бенджамину Бергу?

Скрипнула дверь и в фургон хлынула музыка.

– Томас-вот-вы-где-вас-вообще-то-ждут! – весело протрещал парень в красном сюртуке. Подмигнул Штефану и захлопнул дверь, снова наполнив фургон полумраком.

– Почему ты вообще с ними выступаешь?

– Я... мне нужно было выступать, – пробормотал Томас. – Пока мама в клинике, я... спать не могу. Есть. Нужно работать. Может, я сегодня в последний раз выйду на подмостки.

– Чушь, – скривился Штефан. – В конце концов в Кайзерстате делают механических людей. Не могут врачи не поставить на ноги старушку. Ты так говоришь, будто умирать собрался.

– Было бы забавно, – усмехнулся Томас. – Но пока мне нужно выступить.

Штефан кивнул и снова открыл дверь. В лицо плеснул холодный воздух и жизнерадостная чушь, которой заливался на подмостках антрепренер. Он часто оглядывался, и Штефан подумал, что хотел бы стоять где-нибудь сбоку, чтобы видеть, как в его глазах восторг сменяется злостью, а злость – восторгом с каждым поворотом головы.

– ... Томас Штармвайд! – объявил он, встретившись взглядом с Томасом. Сходя с подмостков, он беззвучно выругался и чиркнул пальцем по горлу.

Штефан заметил в руках Томаса апельсин. Он знал фокус, который Томас собирался показать – у него в рукавах была пара пакетов с летучим порошком, который при контакте с кислотой превращался в черные смолянистые нити. Томас резал апельсин, половину отдавал в зал, а оставшуюся превращал в черную дрянь, на которой растил апельсиновые цветы. Штефан знал, откуда берется вязкая чернота между его ладоней, но не знал, откуда на ней появляются цветы. Томас обещал когда-нибудь рассказать, но, кажется, это так и останется его тайной.

Штефан встал к самому краю подмостков. Он видел, как Томас, на лице которого не осталось и следа усталости и отчаяния, раскидывает руки, будто обнимая толпу.

– Время кажется нам скоротечным. Мы вздыхаем о том, что стареем, и думаем, что наше время уходит безвозвратно... – говорил он, и Штефан чувствовал, как его начинает мутить.

– Время уходит, и нам кажется, что мы уже не те, что раньше. Многим кажется, что мы превращаемся в нечто... ужасное.

Даже самый внимательный зритель не заметил бы в выступлении Томаса надлом. Но Штефан заметил – у этого номера всегда был другой текст. Теперь фокусник словно неуклюже позировал перед толпой, пытаясь прикрыть исповедь метафорами. Штефан не смотрел, что делает Томас, он смотрел на его лицо, пытаясь поймать хоть легкий оттенок лжи. Тогда слова перестанут звучать приговором. Но Томас врал только в движениях – слова имели больше значения, чем фокус, который он показывал.

– Но это неправда. Кем бы ни были, кем бы ни стали – мы всегда тот же белоснежный флердоранж, что и раньше...

Штефан не стал досматривать выступление Томаса. Не смог себя заставить.

Глава 7

Заставить радоваться

Возвращался в гостиницу Штефан уже в темноте, а фонари в рабочем квартале зажигали редко, и чаще по одному в начале и конце улицы. Он был пьян – выходя с ярмарки остановился у знакомой палатки и с горя нарезался. Шнапс к вечеру подешевел, Идущая смотрела на него с умилением мамыши, наблюдающей, как ребенок впервые орудует ложкой.

Кристалл он тоже купил, но пить не стал, убрал в карман жилета. Пить было плохим решением, Штефан это понимал. Недостойно и попросту глупо. Но он ничего не мог с собой поделать – площадь у ратгауза, левиафан и Томас с пустым синим взглядом смешались в одно черное пятно на душе, которое было необходимо смыть, пока оно не свело с ума. Он знал, что если сорвется где-нибудь на дирижабле или на переговорах в Гардарике – будет гораздо хуже.

Левиафан. Дирижабль. Золотистая надежда, черный лепесток.

Проклятый чародей, который нужен был, нужен, потому что без него не заработать, не раздать долги и не помочь Томасу, который с самоубийственным упорством тратит деньги на лечение матери. Сколько Томас потратил в Кайзерстате? Откуда у него, разоренного повстанцами и цирком в упадке, деньги на альбионских врачей?

«Чтоб тебя, Готфрид, твоя богиня оплакивала пока Спящий не проснется», – думал он, вливая в себя очередную рюмку.

Штефан был почти параноидально осторожен. Но потом все равно приходилось карабкаться под забором, бегать вокруг госпиталя с больными неизвестной болезнью. Плыть на парохое, лететь на дирижабле. Держать рядом чародея, от которого непонятно, чего ждать, но почти наверняка – ничего хорошего.

Штефан действительно хотел решить все эти проблемы, но вместо этого надрался и перестал думать о чародеях и дирижаблях.

Уходил с бутылкой абрикосового шнапса и большой флягой пылинки. Ему казалось, что он звал Идущую выступать в цирке и предлагал ей лучшее место, какое смог вспомнить. Она смеялась и почему-то отказывалась.

Только у башевой станции Штефан вспомнил, что предлагал ей быть центральной канарейкой.

Он не боялся, что его ограбят или убьют. Может, бесстрашным его делал алкоголь, а может Штефан просто так устал бояться, что вместе со страхом потерял благоразумие.

Или уверенности придавал новый револьвер и ядовитая шпилька, впрочем, это было бы совсем глупо – он давно отвык полагаться на оружие и думал, что главное – рука, которая оружие держит.

А еще он знал, что в Кайзерстате была очень низкая преступность. Он слышал, что в борделях «Механических Пташек» можно совершенно легально пытаться и даже убивать. Преступлений, за которые здесь полагалась смертная казнь было больше, чем в любой другой стране, а разбирательства были самыми короткими. Если человеку хотелось пырнуть кого-то ножом, и он имел легальную возможность это сделать, то и ответственность за то, что воспользовался нелегальной, наступала почти сразу.

Штефан видел в этой риторике очень много слабых мест, но сейчас такое положение было только на руку.

Когда он нашел гостиницу, хмель немного выветрился, и Штефана это не устраивало. Он вспоминал, как девушка плясала на краю сцены, и как Томас раскидывал руки, и между его ладоней тянулась вязкая чернота. Эти подмости не были эшафотом, их собирали вчера,

у Штефана на глазах, но он не мог отделаться от ощущения, что представление было предзнаменованием близкой беды.

Но что ему было делать? Силой тащить Томаса в Гардарику?

Штефан удивительно быстро привык решать все за других. Заботиться о трупке, как о собственных детях. Но если он что и понял, так это то, что людей, стоящих на краю, нужно отпускать. Упрямого Вито, умирающую Пину. Когда Нор Гелоф отравился, Штефан не знал, что делать – они давали представления в Эгберте и ночевали посреди вересковой пустоши. Ближайший город был в сутках пути – либо вперед, либо назад. Он попытался довезти его на фургоне, бросил трупку и реквизит. Через девять часов Нор умер, и Штефан горько раскаивался, что не застрелил его сразу.

Потому, что они опоздали и сорвали представление, и потому что из-за него мальчишка промучился лишние девять часов.

После этого он купил паровой экипаж.

Но отпустить Томаса казалось чем-то невозможным. И чтобы совершить это «невозможное» ему требовалось как можно скорее оказаться в номере и догнаться пылинкой с кристаллом.

Но гостиница была заперта. Штефан стучал, тяжело опершись о косяк. В такт его ударам с двери осыпались чешуйки зеленой краски.

Наконец окно сверху с треском распахнулось и над улицей разнесся долгожданный голос хозяйки:

– А ну пшел, урод!

– Я ваш постоялец! – растерялся Штефан, на всякий случай отшатнувшись от двери.

– С потаскухой своей разговаривай, которая с крысами целуется!

– Куда она пошла? А мужчина?!

Женщина сообщила, потом посоветовала ему идти туда же и с грохотом захлопнула окно.

Штефан сел на ступеньки и задумался. В глаза бил назойливый зеленый свет, видимо, гирлянда на чьей-то двери.

Он не знал, как искать Хезер среди ночи и в подпитии. Можно, конечно, бродить по улицам и звать ее, но тогда его, скорее всего, просто заберут жандармы. Платить штраф и ночевать в камере ему не хотелось.

В этот момент от стены напротив отделилась маленькая хвостатая тень. Крыса бросилась прямо ему под ноги, замерла на несколько секунд, а потом не спеша посеменила по улице вглубь кварталов.

– Тебя Готфрид послал? Э, животное? Хрен с тобой, – пробормотал он, тяжело поднимаясь со ступенек. Крыса удивленно оглянулась, но с дороги не сбилась и не бросилась бежать.

Она заводила его все глубже в рабочие кварталы. Становилось все темнее, из открытых окон доносился смех, брань, музыка, а кое-откуда залиvistый храп. Улицы становились все темнее, и в конце концов случилось то, что должно было произойти – Штефан потерял крысу.

– Эй, э-э-э... зверушка?

Крысы нигде не было. Штефан стоял среди каких-то бараков, пьяный, замерзший и злой, а проклятая крыса растворилась в темноте.

– Ты, мудила, не мог на ней крестик светящийся нарисовать? Э, а это вообще была твоя крыса?!

И он сразу решил, что Готфрид – пропавший человек, и зря он не проткнул его гарпуном.

Крыса вернулась, стоило ему пристроиться за углом ближайшего барака. Он показал ей сложенные кольцом пальцы и на всякий случай ласково добавил:

– Курва!

Крыса не обиделась. Она терпеливо дождалась, пока он закончит, застегнет штаны, и только потом неторопливо потрусила обратно к городу. Штефан, фаталистично вздохнув, достал флягу с пылинкой и отправился следом.

...

– Ты хочешь сказать, что всю ночь бегал по городу за крысами, пьяный в говно?!

Штефан был очень рад видеть Хезер. Утро разливалось над городом, серое и туманное. Томас наверное уже улетел на Альбион, Штефан почти допил пылинку и не был уверен, что крысу, за которой он шел теперь, видит кто-то кроме него.

Штефан очень собой гордился. Кристалл так и остался в кармане жилета, он не потерял ни деньги, ни билеты, ни оружие. А еще он совершенно перестал чувствовать холод. И страх. И ноги, но это его нисколько не волновало.

Он хотел объяснить все это Хезер, но слова у него, кажется, кончились, и вместо истории получилось благодушное «ы-ы-ы».

– А где твоя дурацкая шапочка? – Хезер держала его под локоть и уверенно вела куда-то по узким улочкам.

– Фосс... этот... – он раздраженно щелкнул пальцами.

– Хрен с ней, – подсказала Хезер. – Жалко, смешная была шапочка. А билеты ты купил?

Штефан похлопал себя по карманам. Наткнулся на часы, несколько секунд недоуменно их разглядывал, а потом попытался выкинуть в снег.

– Эй, погоди! Ух ты, чужие часы, именные... ладно, в Гардарике продадим... а билеты где? Давай помогу... сережки! Ты спер мне сережки, какая прелесть! Купил? Ты мой хороший, а где же билеты, ах твою-то мать, Штефан, у нас дирижабль через четыре часа!

Он удивился. Вчера на билетах была другая дата, и он мог в этом поклясться. А впрочем, может быть и нет – он ведь собирался вернуться в гостиницу, отдать билеты Хезер, проспаться и... точно, он собирался в полдень быть на аэродроме.

– Лыгплац маленький, – виновато развел руками Штефан. Хотел сказать, что они успеют в порт за вещами, а потом на аэродром, но слова не слушались, и он предпочитал их экономить.

Хезер привела его к небольшому гостевому домику, скрытому пушистыми зелеными кустами. Штефан почувствовал прохладный запах хвои, и его замутило.

– Готфрид! – крикнула Хезер. – Готфрид, иди колдовать!

– Что случилось?

Чародей выглядел отвратительно – у него даже воспаление на глазах прошло, одежда была отглажена, а шарф сиял белизной.

– Штефан, на вас напали? – поинтересовался он, подходя ближе.

– Табор Идущих с ящиком бухла. Нам надо на дирижабль, – она победно потрясла билетами. – Прямо сейчас надо.

Хезер попыталась усадить Штефана на скамейку, но Готфрид жестом остановил ее.

– В уборную, на второй этаж.

– Может в экипаже его положим? Пусть себе спит.

Штефан встретился с Готфридом взглядом и покачал головой. Ему действительно нужно было протрезветь.

– Идемте.

Следующие двадцать минут если и не были худшими в жизни Штефана, то по праву боролись за это звание. Ему казалось, что еще немного – его будет рвать собственными внутренностями. После каждого позыва он совал голову в оставленное Готфридом ведро ледяной воды. О том, что можно было пойти в аптеку и купить микстуру, Штефан вспомнил только когда почти пришел в себя. Впрочем, экстренно отрезвляющие средства действовали примерно так же, так что Готфрид просто сэкономил ему несколько монет. Но это не мешало Штефану его искренне ненавидеть.

В общий зал он почти приполз. Тяжело опустился на стул и с трудом выдавил, не глядя на чародея:

– Спасибо.

Хезер сочувственно погладила его по спине и сунула под нос кружку темного травяного отвара. Штефан не нашел сил огрызнуться.

– Вас вчера выгнали?

– Хозяйка нашла крыску, – без малейшего раскаяния призналась Хезер.

– И?..

– И сказала проваливать.

– А вы, Готфрид, почему не пустили в ход свое обаяние?

– Он тогда еще не вернулся, – вступилась за чародея Хезер.

– А записку оставить мне никто не догадался?

– Я оставил вам огромную светящуюся зеленую надпись на стене напротив, – Готфрид улыбнулся, и Штефан в который раз затосковал о гарпуне. Потом вспомнил гирлянду и затосковал еще сильнее.

...

Крысу Хезер выпустила на аэродроме, и Штефан поклялся свернуть шею следующей увиденной им твари.

Аэродром в Лигеплаце был небольшой, с тремя причальными мачтами. К счастью, карабкаться на мачту не пришлось, и после короткого досмотра их пустили на дирижабль с земли. Капитана и бортового чародея им не представляли, и Штефан был рад, что в стоимость билета не включена излишняя вежливость персонала. Им не полагалось ни столовой, ни общего зала – только кровать, уборная и возможность гулять по коридору. Его это вполне устраивало.

Каюта, которую он выкупил, была крошечной, с тремя легкими алюминиевыми кроватями-каркасами с натянутой сеткой. Штефан лег на кровать посередине (потому что она была ближайшей ко входу) и не успел даже подумать, как же она противно скрипит.

...

Он проснулся от приступа тошноты. Невнятно выругался и попытался перевернуться на другой бок.

– А я говорил – не трогайте, – меланхолично сказал Готфрид.

– Сутки дрыхнешь, хоть бы поел, – Хезер погладила его по виску прохладными пальцами. – Обед принесли, я второй раз твою порцию есть не буду.

– Какая еда, Хезер, дай мне умереть, – простонал он, с трудом поднимаясь. – Что-то интересное было?

– Какая-то тетка в каюте в конце коридора всю ночь орала, что в баллоне утечка и шипение газа не дает ей спать, – пожала плечами Хезер. – Человек пять ей поверили и бегали к капитану поочередно.

– Отлично, на борту минимум пять идиотов и одна сумасшедшая.

Вода в уборной была ледяной, текла тонкой струйкой и остро пахла обеззараживающим составом. Штефан не стал там задерживаться, тем более отражение в желтоватом зеркале навевало тоску. Синяки, оставшиеся от наспех залеченного колдовством перелома, опухший нос, потерявшая форму борода – Штефан не так представлял человека, которому нужно нанять половину цирковой труппы.

– Хезер, ты бы пошла ко мне на работу? – спросил он, вернувшись в каюту.

– Ага, по твоей роже сразу видно, что с тобой весело, – утешила она. – Не переживай, я слышала, в Гардарике такое ценят.

– Какое? – Он с отвращением вытерся казенным серым полотенцем в вытертых проплешинах.

– Развеселое и удалое, – подсказал Готфрид. – Рассказывайте почаще, как бегали по охваченному революцией городу, чтобы спасти друга, и вам простят любой вид.

– Вы язык знаете? – поинтересовался Штефан, настороженно принимаясь к чаю. Он был сильно разбавлен водой и тоже пах обеззараживающим раствором, но едва заметно.

– Чай и еда тут совершенные помои, – безжалостно резюмировал Готфрид. – А кофе они вообще не варят, представляете? Ах да, еще у них нет курительной комнаты.

– О Спящий, – пробормотал Штефан, пробуя чай. Чародей не обманул.

– Еще сутки. Без кофе, курева и нормальной еды. Мне нравится цирковая жизнь, заставляет задуматься о вечном, – Готфрид поправил шарф. – Да, я знаю язык. Но вы можете не переживать, Гардарика давно в союзе с Кайзерстатом, если вы будете изъясняться на родном языке – вас скорее всего поймут.

– Если я буду изъясняться на родном языке – меня скорее всего пошлют, – скривился Штефан.

Чай был отвратительным и холодным, едой Готфрид назвал засохшие, неровно порезанные куски хлеба и сыра. Штефан вспомнил, что на дирижаблях эконом-класса нет плит, а кипятки везут в термосе, и пожалел, что не догадался вместо алкоголя взять в дорогу нормальной еды.

– Я видел Томаса, – сообщил он Хезер. – Он летит на Альбион лечить мать. Ей не помогли в Кайзерстате.

Он знал, что Хезер была гораздо ближе к Тесс Даверс. Даже хотела стать униформистом, но Тесс так и не смогла научить ее шить.

Хезер сидела в углу, притянув колени к подбородку, и полумрак каюты смывал с ее лица все наигранные эмоции.

– Тесс не любит врачей, – наконец сказала она. – Помнишь, она рассказывала, что работала в той компании, которая потом стала «Механическими соловьями» и «Механическими пташками»? Рисовала лица для искусственных людей? Она мне так и не призналась, почему ушла, но там какая-то... плохая тайна. Не знаю, как Томас убедил ее идти к протезистам.

– Тесс всегда была себе на уме. Приедем на место – напишу Томасу, в усадьбу. Не знаю, правда, когда он прочитает.

Хезер молчала, и ее глаза, казалось, темнели все сильнее.

– Когда мы там были в последний раз – в особняке остались только стены. Томас же все распродал. Растратил на реквизит и своих ненаглядных повстанцев. Не удивлюсь, если он и особняк продал.

– По-моему в Эгберте еще действует закон, запрещающий продавать фамильные поместья. Хезер, я... если все пойдет удачно, я хочу задержаться в Гардарике. Я надеюсь найти меценатов, и...

– И послать Томасу денег? – по-хаайргатски спросила Хезер. – Из заработка?

– Да, – не стал отпираться Штефан.

Она кивнула. Готфрид по-прежнему делал вид, что его разговор не касается.

– Готфрид, а как вы создаете иллюзии? – спросила Хезер, встряхнув рукой. Будто сбрасывала неприятную тему.

– Я умею создавать мороки, – улыбнулся он, протягивая ей руку. Над его ладонью билась красная канарейка, рассыпавшаяся золотыми искрами, когда он сжал пальцы. – И могу влиять на созданное.

– А вы можете заставить людей... чувствовать? – спросил Штефан, вспоминая эссенцию Томаса.

– Вы когда-нибудь подвергались чародейским внушениям? – ответил вопросом чародей. – Боюсь, у вашего цирка не останется посетителей, если я буду внушать что-то целому залу.

– Я подвергался внушениям, – удивленно ответил Штефан. – И слышал, что чародеи, которые умеют влиять на сознание, подрабатывают в игорных домах.

– А вы задумывались, почему не в борделях? Какую хотите эмоцию?

– Радость, – без запинки ответил Штефан. Не то чтобы ему хотелось порадоваться, но именно этой эмоции он хотел добиться от представления.

Готфрид сжал его запястье и закрыл глаза.

Каюта помутнела. Очертания предметов, цвета – все осталось прежним, но обрело совершенно иной смысл. Штефан чувствовал себя так, будто его привязали к кровати и насильно вливают в рот опиумную настойку. И это была не радость – болезненное, истерическое счастье, и он захлебывался в нем, не мог сконцентрироваться ни на одной мысли. Где-то в подсознании росла паника, первобытный ужас загнанного животного, под лапы которого только что ударил выстрел. Но он никак не мог ухватиться за страх – его попросту смывало вбиваемым в мозг счастьем.

– Хватит! – прохрипел он, отдергивая руку.

Зажмурился. Чужая воля схлынула, как волна, не оставив ни радости, ни страха, только ребристую ненависть. Он чувствовал себя униженным. Штефан боялся открыть глаза – ему казалось он непременно вцепится Готфриду в горло и удавит. Ничего не хотелось так сильно.

А потом и это чувство растаяло, оставив, впрочем, легкий отголосок.

Он открыл глаза.

– Поняли? – устало спросил Готфрид. – Эта магия деструктивна и основана на насилии. Я могу обмануть сознание в мелочах, но если попытаюсь внушить сильное и светлое чувство – получится вот так. Поэтому все сильные чародеи состоят на военной службе. Чтобы они ни делали – это всегда разрушение. Поэтому, и потому, что тех, кто не соглашается, расстреливают.

– Когда мне было десять, – неожиданно для себя начал Штефан, – на корабль, на котором мы плыли с родителями, напал левиафан. Все погибли, я один остался. Корабельный чародей, герр Виндлишгрец...

Он осекся. Слова вырвались против его воли. Видимо, мечущееся сознание вытолкнуло на поверхность неожиданную откровенность.

– Не знаю, что он сделал, – мягко сказал Готфрид, – но если вы чувствовали что-то хорошее...

Штефан нехотя кивнул. Ему не хотелось рассказывать о мороке, который не рассеялся даже когда за ним прилетел дирижабль. К тому времени он начал видеть кровь на палубе, но родители, живые и здоровые, сидели рядом. Мать гладила его по голове и что-то говорила, доброе, теплое, целительное.

– Он давал вам что-то пить? Может, что-то колол?

Штефан снова кивнул. Он смотрел на окровавленную палубу с дирижабля. Мать и отец стояли, обнявшись, и махали ему, прощаясь. Тогда он возненавидел такие иллюзии, но все же был благодарен герру Виндлишгрецу за то, что не сошел с ума на корабле, полном мертвецов.

– Тогда думаю дело в этом. Но не станем же мы, в самом деле, примешивать наркотики в напитки зрителям, – улыбнулся Готфрид.

– Эй, мне тоже интересно, чего там нельзя зрителям показывать, – Хезер села рядом. – Штефан вообще-то ужасный ворчун и не очень умеет радоваться.

– Это неприятно, – предупредил Штефан, глядя, как она протягивает Готфриду руку.

– Радоваться?..

Она замолчала, и сознание в ее глазах померкло. Остались пустые темные стекла. Губы растянулись в неестественной улыбке, обнажив зубы. Штефана передернуло – верхняя половина ее лица оставалась неподвижной, а нижняя рисовала улыбкой и морщинками истеричное счастье.

Не выдержав, он отдернул ее руку. Пальцы словно прикусило электрическим разрядом. Хезер всхлипнула и обмякла у него в руках.

– Эй, – позвал он, убирая несколько прядей с ее лица. – Ты как?

– Фу, – коротко резюмировала Хезер, не открывая глаз.

– В юности я попытался удивить подружку. В постели, до того мне уже казалось неэтичным... она умная девчонка. Похватала вещи, хлопнула дверью, но потом написала, что чувствует себя так, будто я над ней жестоко надругался, и ничего с собой сделать не может. Даже извинилась, представляете, – горько усмехнулся он. – В общем, я думаю лучше мне заняться мороками.

– Наш чародей подсвечивает гимнастам снаряды, – вспомнил Штефан. – Они никогда не жаловались...

– Это мелочь. По мелочи – можно, к тому же тут такое дело... они ведь хотят видеть снаряды, верно? А вы радоваться не хотели.

– Люди приходят в цирк радоваться, – заметила Хезер. Она выпрямилась и вытерла мокрое лицо платком.

– Бросьте. Чтобы это сработало, человек должен вприпрыжку нестись на ваше представление, с полностью открытой душой. Много у вас таких зрителей?

Штефан задумался.

Начало нового века было удивительным временем. С одной стороны – паранойя и пресыщенность, с другой – он видел совершенно детский восторг на технологической выставке, когда молодой ученый из Кайзерстата показывал фиолетовые электрические молнии. Или когда открывали новую картину какого-нибудь известного художника. В моде были огромные полотна на исторические темы, со множеством фигур и проработанными деталями. Штефан сам видел, как люди надолго замирали, словно замороженные – они смотрели на совершенно неподвижное изображение, но в их глазах виднелись сполохи живых сцен.

Поэтому толпа и не принимала новых художников из Флер – импульсивных, нарочито примитивных, передающих движение несколькими хирургически точными мазками. Штефану эти картины нравились, но он понимал, чего люди ждут от живописи – долгих эмоций, которые нужно выискивать самим. На этих картинах эмоция была обнаженной, выставленной на обозрение.

А каким художником был Томас? Какой картиной было их представление? И с какими чувствами люди на самом деле шли на их представления?

– Я не знаю, – вслух ответил он на свой вопрос. И на вопрос Готфрида тоже: – Не знаю.

– Томас рассказывал, в Гардарике любят зрелища. Они на представления тратят столько денег, что можно маленькую армию содержать... А Колыбели их видел? – Хезер, казалось, полностью очнулась, но еще не натянула свою обычную маску и говорила тихо и чуть растеряно.

– Видел несколько снимков...

– Тесс мне альбом показывала. Она дружила с их известным антрепренером... не помню имя. Так вот, у них Колыбели все золотые и белые снаружи, и темно-серые внутри. Причем не как на Альбионе, там везде дорогуший мрамор, свечи, холодные лампы и драпировки.

Штефан попытался представить. Получилось что-то несуразное.

– Их Колыбели похожи на облака, подсвеченные солнцем, – подсказала Хезер. – Снаружи. А изнутри... как будто ты внутри облака. Или пещеры, но не сырой и грязной, а... Тесс говорила, как будто ты очень долго взбирался на гору и дошел до вершины, а там эта пещера. Ты устал, измучен, а там темно, тепло, сухо и спокойно. Они так видят Сон.

Готфрид слушал с интересом. Штефан отметил его удивительную тактичность – многие адепты, которых он видел в Морлиссе, были агрессивны и не упускали возможность поднять чужую веру на смех.

– Так вот, я думаю в Гардарике будет благодарная публика. Только нам нужно представление подготовить такое, чтобы... как вы, Готфрид, сказали?

– Удалое и развеселое, – зевнул чародей.

Глава 8

Механический тигр

В тот год Томас попытался ввести в представление механического тигра. Машина была непростительно уродливой, несуразной и совсем не смотрелась на арене.

– Раньше использовали дрессированных животных, – растерянно сказал Томас, задумчиво разглядывая электрический хлыст – светящийся огненный хвост, который только искрил и щелкал. – Но их нерентабельно держать. И люди уже не удивляются – ну прыгает тигр через кольцо, какая невидаль.

– А если машина делает то, зачем ее создали – люди удивляются? – с сомнением спросил Штефан и тут же осекся.

Ему было семнадцать. Перед тем, как попасть к Томасу, они с Хезер ночевали в подвале. Штефан украл с веревки пару одеял, одним он оборачивал раскаленную отопительную трубу, чтобы рядом с ней можно было лежать, другим они с Хезер укрывались. И ему вовсе не хотелось обидеть этого рыжего чудака и снова оказаться на улице. В цирке по крайней мере кормили, можно было спать под крышей и хватало работы.

Но механический тигр был действительно уродливым. С огромными зазорами между медными пластинами, разрисованными черными полосами. С широкой мордой, полной карикатурно-длинных зубов, он и тигра-то напоминал только окрасом. Штефану он казался больше похожим на несуразного броненосца.

Тигр сидел посреди арены, лампочки в его глазах светились желтым, а хвост медленно мотался туда-сюда с пронзительным скрипом.

– Мне его подарили, – будто оправдываясь, сказал Томас. – Я все пытаюсь найти... то, что теперь отличает цирк от театра или карнавального шоу. Когда везде машины – грани стираются.

– И чтобы помочь, вам подарили механического тигра? – неловко ухмыльнулся Штефан, раздраженно сдувая со лба жесткую прядь.

Он стоял, глубоко засунув руки в карманы и ждал, что не может сказать что-нибудь умное. Или смешное. Хоть как-то быть полезным. Конечно, вчера он помогал механику закручивать гайки и натягивать тросы, и даже упал со снаряда на страховочную сетку (никому и никогда он бы не признался, в какой восторг его это привело, и как ему хотелось дожидаться, когда в зале никого не будет, и повторить), но этого было мало.

Томас замахнулся хлыстом, и тигр отпрыгнул в противоположную сторону. Пластины глухо лязгнули, и Штефану под ноги выкатилась шестеренка размером с монету.

– А можно достать настоящего тигра? – спросил он, подбирая деталь.

– Зачем? – спросил Томас, опуская хлыст. В его глазах явственно читалось отвращение.

– Мне кажется, людям не нравятся машины, – осторожно начал Штефан. – Люди злятся на машины, ну по крайней мере рабочие, а кто не злится – тех они раздражают. Машины – это грязь, грохот, болезни. Люди просто руками мало работали, – поморщился он, вспомнив, как злила его необходимость с утра до вечера копать в огороде, когда с этим прекрасно справился бы дешевый механизм.

– И что же?

– Ну знаете, я слышал, что в Рингбурге какие-то люди... дисъе...

– Дисъюнгцион, – подсказал Томас.

– Да, «разделенные», кажется... или «отделенные»?.. В общем, вы знаете, кто это. Которые ложки и стулья руками делают и за бешеные деньги продают.

– И причем тут это чуело?

Штефан зажмурился и прошептал строчку из Колыбельной на родном языке, добавив в конце совершенно богохульное ругательство.

– Представьте себе, прыгает механический тигр... ну за зеркало, или в яму, или как это у вас там делается, – выпалил он, – и в полете превращается в настоящего. Мне кажется, людям... понравится.

– Ты не сказал «будет красиво», – заметил Томас.

Штефан поморщился и отвернулся. Ну конечно, он сказал глупость. Полез учить человека, который и без него прекрасно справлялся.

– Цирк – не музей и не театр, – решив, что терять уже нечего, сказал он. – Это там могут что-нибудь показать, а люди заплатят и похлопают, чтобы за умных сойти. Значит, нужно, чтобы людям нравилось, а потом уже чтобы было красиво. В этом разница. Извините.

Когда он наконец решился посмотреть на Томаса, ожидая злости или, еще хуже, разочарования, Штефан увидел, что фокусник улыбается.

...

Дирижабль приземлился в Кродграде глубокой ночью. Штефан вышел на аэродром, и в его лицо вгрызлась морозная синяя темнота, расцвеченная золотыми огнями причальных мачт. Он торопливо открыл сумку, достал забытый платок, что покупал Хезер, и накинул ей на плечи.

Если бы не проклятая революция, левиафан и встреча с Томасом, он бы сделал все правильно. Позаботился бы об одежде и согревающих эликсирах, обманывающих холод. Но он сорвался, напился, и прилетел в Гардарику даже без шапки.

Хезер торопливо коснулась ледяными губами его щеки и накинула платок на голову.

Готфрид, казалось, вовсе не мерз. Он стоял в тонком шерстяном пальто, сжимал побелевшие пальцы на ручке саквояжа и шурился в колючую синь, тающую снежинками на лице.

– А я слышала, что тут задешево можно даже соболиную шубу купить, – мечтательно сказала Хезер, дуя на пальцы.

– Если бы тут меха не были дешевыми – страна бы обезлюдела, – растерянно пробормотал Штефан.

Снег сухо хрустел под ногами. Совсем не такой, как рыхлая, подмерзшая каша в Морлиссе или тающая слякоть Лигеплаца – здесь снег был безжалостным хищником, кусающим за ноги сквозь тонкую кожу ботинок.

Штефан обычно никого не нанимал рядом с вокзалами и аэродромами, но теперь выбирать не приходилось – ему казалось, что на макушку кто-то тонкой струйкой льет ледяную воду. Поэтому увидев экипаж у выхода, он без лишних церемоний пихнул в бок сонного извозчика и назвал адрес гостевого дома, куда должна была заселиться труппа.

В экипаже было ненамного теплее. Хезер куталась в платок, став похожей на местную расписную куклу, Готфрид молчал, иногда задумчиво поглаживая шарф. Штефану тоже не хотелось разговаривать. Ему и так казалось, что с каждым выдохом из него выходит тепло.

Над воротами дома, у которого остановился экипаж, горел единственный синий фонарь и вывеска, которую Штефан не смог прочитать.

Он приготовился стучать или звонить, но стоило им выйти из экипажа, как к воротам не спеша подошел высокий старик с еще одним фонарем. Что-то сказал, махнул рукой.

– Спрашивает, вы ли будете циркачи, – усмехнулся Готфрид.

– Так ответьте ему, – раздраженно бросил Штефан.

– Он не хочет слушать ваш ответ, он жалуется на мальчишку, от которого пахнет бензином, и на отца, который ругается с дочерью. И говорит, что вы должны ему за посуду.

– Папаша – точно Эжен Ланг, – глухо сказала Хезер из-под платка, которым закрыла лицо. – Удивительно, что этот милый человек до сих пор думает, что Энни дочь Эжена, они

же вообще не выбирают места и пьются, как кролики! Давайте в дом зайдем, или дед нас не пустит, пока не отчитает?

Когда они наконец-то зашли в темный, натопленный обеденный зал, Штефан почувствовал, как оттаяло и звякнуло слово «должен».

– Эй, э-э-э, Готфрид, что этот старый хрен говорил про посуду?!

– Что ваши люди перебили у него половину тарелок. И будьте осторожны, он может вас понимать.

– Класть мне на...

– Штефан! Хе-е-езер! – раздался звонкий женский голос из угла перед камином, и Штефан понял, что пропал.

Энни была трезва, взъерошена и явно очень довольна собой. Странное шерстяное платье, видимо, было подпоясанной рубашкой Эжена и плохо сочеталось с гетрами в помпонах и голыми коленками. Штефану было холодно на нее даже смотреть, поэтому он, буркнув что-то приветственное, увернулся от объятий и сел на пол к камину, не снимая пальто.

– Хозяин? Э-э-э герр? Сударь! – вспомнил он слово, а потом, мучительно напрягая память, попытался объяснить, что ему нужно: – Чай?.. Спирт, нет, алкоголь?..

– Сбитень, – подсказал Готфрид хозяину и сунул ему купюру.

Старик неприязненно посмотрел на чародея, потом на деньги, и ушел, оставив Штефану камин и тараторящую Энни.

– Хезер, машери! Мы думали, вы не приедете, а мы замерзнем, такая ужасная страна, Хезер, тут темно, а снега-то, представляешь сколько здесь снега, а как твои канарейки, ой, живые, славные птички, ты не согласишься, что вчера случилось!..

Штефан встретился глазами с Хезер. Она стояла в полурасстегнутом пальто и одними губами шептала «помогите». Он отвернулся и протянул к камину руки.

Неожиданно стало тепло и спокойно. Вот он и дома.

...

Следующие сутки Штефан спал, ел и решал мелкие проблемы – рассчитал Ника Блау, к огромному его, Ника, счастью, торговался с хозяином за битые тарелки, выслушал примерно треть всех жалоб Энни, помог осветителю починить фонарь, купил себе шапку, отвратительно напоминавшую ту, каракулевую из приюта. Даже успел порепетировать с Готфридом в пустом театре.

Мороки у чародея выходили слишком яркие, почти нарочито фальшивые. Штефан махнул рукой – он не художник, не Томас. Пусть будут такие, все равно другого чародея и времени возиться с этим у него нет.

Эжен метал ножи во вращающееся колесо с нарисованной человеческой фигурой, и на рукоятке каждого вырастал цветок – яркий, искрящийся фальшью, но, как заметил Штефан, гораздо лучше различимый с задних рядов.

Механического тигра они возили с собой, иногда включая номер с ним в программу. Он терял актуальность, машины давно были популярны, но все же каждый раз, когда красота и жизнь побеждала механическое – и уже изрядно ржавое – уродство, по залу проносился восхищенный вздох. Реалистичного тигра у Готфрида создать получилось. Штефан видел, как он побледнел к концу репетиции, и не мог понять, чего испытывает больше – сочувствия или злорадного облегчения.

Ни один нормальный человек не захочет каждый вечер себя пытать, тем более за те деньги, что платил Штефан. Он хотел сказать Готфриду, что нужно репетировать каждый день до выступлений. Потому что все репетируют, и потому что у них не было права на ошибку. Но посмотрев, как чародей на заднем ряду вытирает лицо белым платком, дрожащим у него в руках, Штефан потер переносицу и сказал себе, что не хочет, чтобы Готфрид умер посреди

выступления. Это будет очень, очень плохо, сказал себе Штефан, и куда потом девать дезертирский труп?

– Слушайте, Готфрид, ну вы же уверены, что сможете повторить на выступлении?

– Конечно, – весело отозвался он. – Котика-то отчего не наколдовать.

– У вас тут вот кровь пошла, – Штефан пригладил усы кончиком пальца. – Тогда... не надо ходить на репетиции. И очень вас прошу – если Энни, та, с короткой стрижкой, будет вам мурлыкать чего и глазки строить – скажите, что вы мужеловец. А лучше – евнух, чтобы у нее не разыграл азарт.

Готфрид пробормотал что-то одобрительное. Штефан хотел предупредить, что коронный номер Эжена – метать ножи из зала, при мигающем свете, но не стал. Лимит сочувствия он и так исчерпал на год вперед.

На второй день Штефан отправился к владельцу театра договариваться о музыкантах – искать кого-то времени все равно не оставалось, выступления должны были начаться через неделю, о чем кричали в белый мороз все афиши на столбах и стенах – ярко-красные, похожие на пятна крови.

Владелец театра сносно говорил по-кайзерстатски, имел вполне произносимое имя Игорь, к которому прилагалось непроезжимое «Епифанович», а еще Штефану казалось, что собеседника вот-вот хватит удар. Его благодушное, красное лицо с колючими моржовыми усами выражало крайнюю степень озабоченности, говорил он торопливо, иногда путал гардарский с кайзерстатским, и Штефан только с третьего раза понял, что он пытается ему сказать.

– Герр Епифанович, я не понимаю, что вы говорите, – мягко повторял он, стараясь не выглядеть дураком. – Боюсь я не очень разбираюсь в ваших... специалистах, да? Не разбираюсь. Кто собирается на наше выступление? Инспектор? Клирик из Комиссии по Этике?

– Лесей Явлев, коллега! Ваш коллега, сударь! – Игорь Епифанович хлопнул ладонью по столу. В его глазах явственно читалась жалость. – Импресарио! Вы не могли не слышать!..

– Вот как, – процедил Штефан.

Он слышал о герре Явлеве. Слышал только хорошее – прекрасный специалист, тонкий ценитель искусства, спонсирующий артистов и художников по всей Гардарике. Он открывал галереи и театры, подписывал чеки так же легко, как другой человек расписывался в бланке о получении письма. Штефан даже помнил его портрет, который печатали во всех рингбургских газетах перед большой гардарской выставкой. Высокий мужчина с открытым, волевым лицом, в какой-то вызывающе, почти вульгарно дорогой шубе.

Для Штефана его присутствие в зале означало либо решение всех проблем, либо потерю труппы. Инмар и Несс репетировали отдельно и вчера только Несс удостоила их с Хезер сухим приветствием. Еще бы, они шли работать к Томасу, когда труппа процветала. Томас поставил им номера вне рамок привычной клоунады – близнецы, мужчина и женщина, с усиленным гримом сходством, в одинаковых мужских костюмах разыгрывали под музыку нечто среднее между пантомимой и комедией положений. Им даже почти не требовался резонер. Когда-то это было свежо и эпатажно, но потом номер, естественно, украли, добавили вульгарных шуток и милых Готфриду бутафорских молотков.

Если герр Явлев пожелает Инмара и Несс себе в коллекцию – «Вереск» прекратит существование в тот же день.

Но вместе с тем герр Явлев может пожелать устроить им контракт.

– ... вы уж постарайтесь, – Игорь Епифанович явно только что закончил какую-то пространную тираду о перспективах антрепризы Штефана. – И да, еще места забронировала баронесса Вижевская.

– Это кто? – как можно вежливее спросил Штефан. Его начинал раздражать этот кабинет, этот восторженный краснолицый человек и свет, неестественно-белый, льющийся из огромных окон.

– Вдова, – с готовностью пояснил он. – Очень редко приезжает в город, живет... впрочем, главное, что приехала, – торопливо закончил он.

– Герр... Епифанович, не поделитесь секретом – почему эти прекрасные люди собрались на представление цирка средней руки?

– Так война, – простодушно ответил он. – Все дороги закрыты, аэродром вчера закрыли. Наши артисты не выступают – запрет. А приезжим можно.

– И как же ваши музыканты будут играть на нашем представлении?

– Наши – никак. Ваши будут, которых вы с собой привезли.

– Мы не... – Штефан осекся. – Но все же знают, что это ваши музыканты?

– Главное по бумагам они ваши, – подмигнул он. – А бумаги-то мы сейчас и оформим, давайте сюда ваши бланки...

– А что, правда война? – с сомнением спросил Штефан, вспомнив мельком рассмотренные улицы – нарядные, многолюдные и заснеженные. Открытые лавки и магазины, женщин в цветных платках, гуляющих с укутанными детьми.

– Одно слово, – махнул рукой Игорь Епифанович. – У нас же каждый город сам себе государство, вроде как. Бургомистр нам и царь, и Спящий, и родной, чтоб ему сдохнуть, батюшка. Потом бургомистры очередной вагон с валенками не поделят и давай друг другу через забор плевать. В общем, не берите в голову. Лучше подумайте о Явleve – скоро большой тур, «Гардарская явь», он вербует талантливых актеров. А госпожа Вижевская очень уж господина Явлева не любит, всегда ему шпильку вставить рада, – последние слова он произнес совсем отстраненным голосом, будто задумавшись.

Штефан понял намек и благодарно кивнул.

...

Больше всего в Гардарике Штефана удивлял воздух. Не высокие дома, богато украшенные лепниной, не всеобщая любовь к узорам и завитушкам, которые были абсолютно везде, даже газеты тратили половину первой полосы на рамки и вензеля. И не лошади, которых здесь до сих пор запрягали в экипажи, и даже не лошадиная сбруя, на которую зачем-то навешивали бубенцы и ленты. Нет, странным был воздух – искрящийся, белый, пахнущий сыростью и холодным медом.

А еще его поражала особая, всепоглощающая страсть местных к тесту. Ни в одной другой стране он не помнил такого количества булочных, которые, казалось, нисколько не мешали уличной торговле. Мимо то и дело проносились мальчишки с лотками исходящих паром пирожков, тут и там стояли тележки с передвижными жаровнями, на которые разливали ярко-желтое тесто для огромных кружевных блинов.

Он понимал, что это только потому, что в Кродграде не было заводов, и вообще город был туристическим, тщательно оберегаемым и с утрированным национальным колоритом. И ему гораздо больше хотелось бы посетить настоящий город, не очередной муляж из снежного шара.

Штефану не нравился Кродград. Он оглушал его, сбивал с толку. Всего было слишком много, слишком яркого и громкого.

Слишком много башей – совсем как в его далеких воспоминаниях, город полнился звоном и грохотом колес по рельсам и длинными, тоскливыми гудками. С наступлением темноты – ранней и глубокой – баши зажигали золотые огни фар, похожие на глаза голодных котов.

Слишком много завитушек, вывесок и елок.

А еще на улицах было слишком много людей – будто в городе проходили какие-то гуляния, будто никто не сидел дома.

Здесь жили странные люди – высокие, с искусанной морозом кожей и хитрыми глазами, на дне которых таилось что-то хищное. А может, ему мерещилось.

Но было в Кродграде то, ради чего Штефан очень давно хотел съездить в Гардарику – страна славилась фотографами. Здесь относились к фотографии не как к ремеслу, еще одному инструменту, а как к настоящему искусству.

Штефан об искусстве думал мало, зато много думал об очках герра Виндлишгреца.

Когда его забрали в приют, он боялся, что очки отнимут. И отняли бы, если бы нашли. Штефан, сам не понимая, зачем это делает, завернул их в плотную куртку и похоронил в лесу неподалеку от приютской ограды. Пометил дерево красной ниткой на ветке. Примотал намертво, но все равно боялся, что нитка вылиняет или сгниет раньше, чем он придумает другой знак.

Очки были тяжелые, всегда холодные, с дорогими дымчато-золотыми линзами. Позже Штефан украл с кухни ящик и успел спрятать в лесу, прежде чем его и ящика хватились. Его выпороли, и двое суток он сидел без еды, но в тот момент он ни о чем не жалел. Очень уж хороший был ящик – крепкий, надежный, как гроб. Туда-то он и переложил очки, освободив их мягкой подгнившей ткани. А через семь лет перед побегом забрал их. Таскал с собой все эти годы, показывал всем знакомым фотогравам. Виндлишгрец сказал «пластинка, как для фотокамеры». Пластика и правда была – тонкая, матово-черная. Только все знакомые фотографы говорили Штефану выбросить это старье, и что снимки с пластины проявить невозможно. Он даже не знал, что хочет там увидеть – окровавленную палубу, полную трупов? Мертвого чародея?

Но упорно продолжал носить очки к специалистам. И сейчас они лежали у него в саквояже, потому что умница Хезер взяла с собой его сумку, когда волокла его на пароход.

Над мастерской фотографа золотилась подсвеченная вывеска в виде хищного ребристого объектива, нацеленного на вход. Может, это была не первая мастерская, но читать вывески Штефан не мог и звать с собой Готфрида не хотел, а потому понадеялся на удачу.

– Добрый день, – осторожно сказал он, открыв дверь.

Мастерская была темной и пустой, только щерились из углов разобранные декорации для постановочных снимков, да вдоль стены с окнами тянулся длинный стол, за которым сидел светловолосый парень. Перед ним лежала белоснежная салфетка, на которой были разложены несколько линз.

– Добрый, – ответил он, к огромному облегчению Штефана по-кайзерстатски. – Что угодно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.